

Руслан Плиев

Звезда империи

Руслан Плиев

Звезда империи

«Издательские решения»

Плиев Р.

Звезда империи / Р. Плиев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835603-2

История из жизни простого рыбака, один день которой изменил его судьбу и судьбу империи. Внутри каждой книги таится свой мир, в который автор может перенести всех желающих. Сегодня я хочу приоткрыть завесу одного из миров. Дорогой читатель, следуй за мной.

ISBN 978-5-44-835603-2

© Плиев Р.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Звезда империи

Руслан Плиев

© Руслан Плиев, 2018

ISBN 978-5-4483-5603-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Мой мир

Сегодня 23 день Месяца урожая, день, который изменил мою жизнь и судьбу империи. Я молодой парень 22 лет, сын рыбака из рыбацкого поселения Норонмель. Вся моя жизнь прошла в этом поселении, с детства я помогал отцу ловить рыбу в большом заливе, самом живописном уголке нашей империи. Иногда, когда в заливе было мало рыбы, мы заплывали немного дальше, и я мог видеть издалека высокие белые стены Города пяти царей.

Этот город располагается на большом острове, окружённом водой Сапфирового моря. Город был разделён на шесть частей, пять из которых принадлежали царям пяти царств, находившихся вокруг моря, а шестая часть была общая, центральная и самая роскошная. В этом городе, несмотря на его внушительные размеры, никто не жил. В нём располагалось множество храмов, чья величие потрясало любого приблизившегося к ним. Высокие мраморные колонны и длинные ряды ровных ступеней были необходимыми частями храмов, не говоря о множестве скульптур, окружавших все постройки. Каждому из царей принадлежала своя часть города, и каждый хотел переплюнуть всех остальных в роскоши и красоте своих храмов, построенных в честь их любимых богов. Только лишь в центральной части города усилия объединились и вылились в постройку главного храма, возведённого в честь верховных богов Марана и Гурана – двух братьев, сросшихся одной стороной своего тела и смотрящих в разные стороны. Сорок колонн высотой в шестьдесят локтей украшали храм с каждой стороны, сорок ступеней вели к его подножию. Впрочем, обо всем, что находилось в священном городе, я мог знать только по рассказам отца, который узнал всё это от своего отца, рассказывавшего про одного нашего предка, который служил в гвардии самого императора Казиуса, объединившего все царства под своим владением и положившего начало новому летоисчислению.

Сейчас 198 год Второй эпохи, эпохи легендарных завоеваний, пришедшей на смену Первой эпохе, которую называют эпохой философов. Из отцовских рассказов я знаю, что до эпохи философов люди не правили на земле, тогда были времена правления гигантов. Их рост достигал трёх человеческих, они были сильные и умные настолько, что без труда поработили человеческие племена, жившие на берегу моря и соседних землях. Для проживания они выбрали большой остров, находящийся в море, и построили там руками рабов город, называемый позднее городом шести золотых ворот. В этом городе ворота были сделаны из красного дерева, обитого золотом. Ворота были намного больше обычных, под стать гигантам. Гиганты правили людьми около пяти веков, используя их для добычи золота и выращивания необходимой для пропитания пищи. Все богатства скапливались на острове за высокими каменными стенами, построенными из белых кирпичей длиной в пять локтей. Так продолжалось бы и поныне, если бы не болезнь, поразившая гигантов во время расцвета их империи. Они стали умирать один за другим, страх и смятение появились среди них. Чувствуя скорую кончину, оставшиеся в живых решили уйти на север в поисках спасения, но были убиты людьми, почувствовавшими их слабость. После этого люди поплыли на остров и ворвались в город. Оставшиеся там гиганты не смогли оказать серьёзного сопротивления и были истреблены все до одного, убиваемые людьми с непомерной жестокостью. Это была месть, месть за пять веков унижения и страданий. Город гигантов был разрушен и разграблен, только лишь стены остались нетронутыми. Золотые ворота тоже были испорчены людьми, от ярости не щадившими ничего. В последствии ворота заменили на новые, обитые железом, а позже и вовсе сделали в одной из створок небольшие ворота размером, достаточным для людей. Полностью же ворота открывались только во время праздников или во время доставки крупных грузов внутрь города.

После того, как с гигантами было покончено, пришлось брать бразды правления в собственные руки. Решили, что будет правильно, если всеми племенами будут управлять лучшие из людей, самые умные и достойные, способные править мудро и справедливо. Так началась эпоха философов, эпоха правления Великого совета, состоящего из сорока человек. Город шести золотых ворот был перестроен и стал местом жительства и работы Великого совета, остальные люди населяли окрестные земли, постепенно расселяясь во всех направлениях.

Сначала были основаны два города: Зармель и Маралл. Зармель находился возле Косого хребта на востоке, а Маралл —

на юго-западе. Зармель изначально был городом рудокопов, работающих на золотых рудниках, а в Маралле жили земледельцы. Оба города быстро развивались и стали достаточно крупными для того, чтобы быть самостоятельными. Но ещё до отделения в Зармеле стало мало места для всех жителей. Рудники не вмещали такого количества работников, а бросать родовое дело никто не хотел.

Тогда простолюдин по имени Барук, уважаемый многими человек, решил найти место для постройки нового города возле Косого хребта. Идея понравилась многим, и, поддерживаемый единомышленниками, Барук выдвинулся со всеми на восток. К вечеру они дошли до небольшого холма, на склоне которого и решили заночевать. Глубокой ночью на лагерь напал медведь и несколько человек кинулись ему навстречу, схватив первое попавшееся под руку оружие. Медведь был убит, но в этой схватке также погиб и Барук. Позже на этом холме была построена смотровая башня, названная его именем.

На следующее утро путники продолжили своё движение вдоль горного хребта, осматривая окрестные земли. К полудню они добрались до одного места, очень неплохо выглядевшего: ровная долина с удобными подходами к горам. Здесь и был основан город Заргель. Здешние люди по характеру немного суровее жителей Зармеля, скорее всего из-за того, что Заргель находится севернее и живут здесь немного выше в горах. Добытое здесь золото везут в Зармель на продажу или для обмена. Остальные города появились значительно позже этих трёх, уже перед разделением наших земель.

Примерно через семьдесят лет был основан город Квинтий, получивший своё название от имени основавшего его царя Квинтия Полоумного, как его называли в те времена жители его земель. Он всю жизнь был одержим разными идеями, не поддававшимися разумному объяснению. Для начала он захотел построить свой город в виде пятиугольника, не взирая на то, что местный ландшафт не позволял этого сделать.

В результате строительство затянулось на многие годы, забрав много человеческих сил и даже жизней. Когда, наконец, город был построен, царь захотел построить самые большие в империи конюшни. На их строительство ушло два года, могло бы уйти и больше, если бы зодчие не убедили его строить конюшни в более удобном месте. Вместимость этих конюшен была около двух тысяч голов, и они всегда были заполнены, несмотря на то, что численность всех конных отрядов Квинтия едва превышала пять сотен всадников. Зато все другие цари покупали у него лошадей, предпочитая не возиться с их разведением.

Самым последним городом, основанным в наших землях, стал Марель. Сюда переселились коммерсанты со всей империи. Город стал одним большим рынком, на котором деньги можно было обменять на любые товары и развлечения. Гордостью Мареля была крупнейшая в империи арена, на которой проходили состязания между лучшими атлетами, а раз в месяц проходили поединки между бойцами и дикими животными. Многие храбрецы, ведомые зовом денег и славы, были разорваны зверями на клочки. Во время таких поединков обычно делались ставки, и некоторые люди выигрывали солидные деньги, но больше было проигравших, промотавших своё состояние в погоне за наживой. Запах лёгких денег многих одурманил в этом городе, ставшем похожим на сумасшедший дом, где все были помешаны на богатстве. Обычно там, где бывают деньги, бывают и жулики. И Марель не был исключением из правила. Улицы

наводняли шарлатаны, дурачившие толпу, и мелкие воры, которые незаметно шныряли между прохожими, опустошая их карманы.

Марель, пожалуй, можно назвать самым грязным во всех отношениях городом, конечно же, не считая Берга. По бедноте Берг превосходит все прочие города империи, находится он на северо-западе, на полпути к Огненному хребту. Такое невыгодное местоположение города выбрано из-за того, что Берг ранее был поселением для преступников, отбывавших там длительные сроки заключения. Впоследствии, когда были построены крупные тюрьмы во всех городах, необходимость везти заключённых через полимперии отпала, и Берг стал местом жительства бывших узников и всех остальных людей, ставших изгнанниками законопослушного общества. Правитель Берга не имеет своей части в Городе пяти царей. Огненный хребет издавна считался гиблым местом и непригодным для проживания. Многие искатели богатств не вернулись оттуда живыми, а те, кто вернулся, рассказывали, что хребет состоит из одних вулканов, постоянно извергающих огонь и дым. Старожилы Берга помнят один год, когда вулканы были особенно оживлёнными. Тогда город засыпало толстым слоем пепла, а небо пару дней было чёрным.

Об имперских просторах я знал больше остальных благодаря отцу, никогда не отказывавшему мне в просьбе рассказать что-нибудь интересное о местах, в которых я никогда не был и вряд ли когда-нибудь буду. В детстве на мой день рождения он мне однажды подарил большой пергамент с нарисованной на нём картой. В тот вечер я был без ума от счастья, я мог теперь увидеть почти вживую все наши земли, ближние и дальние. Отец всегда меня баловал, наверное, потому, что я был единственным сыном. И я отвечал ему ответной любовью, старался его не огорчать. Когда мы вместе рыбачили, я подолгу смотрел на его загорелое морщинистое лицо, излучавшее тепло и умиротворение. Рядом с ним мне всегда было хорошо, иногда мне хотелось остановить время и растянуть один миг в вечность. Представить свою жизнь без этого доброго старика я не мог, он был для меня не просто отцом, он был для меня всем.

Глава 2

Одиночество

Холодный северный ветер дул с самого утра, нагоняя серые тучи. Обычно в это время года бывает тепло и солнечно, но на этот раз похолодание пришло необычайно рано. Проснулся я очень поздно, голова жутко болела, кровь стучала в висках подобно молоту Ундермана, отзываясь гулким эхом внутри моей головы. Отец был давно в море, наверное, не хотел меня будить, раз я сам не проснулся. Стоило мне открыть дверь дома, как в лицо ударил прохладный порыв ветра. Я выглянул из лачуги и посмотрел на небо. Тучи неслись по нему с большой скоростью, что-то непонятное и угрожающее было в их поведении. Какая-то внутренняя тоска никак не покидала меня, было отчего-то тяжело на душе. Я решил пройтись по берегу моря и вышел из дома. Кругом было безлюдно, лишь ветер гулял между ветхими домиками. Тучи набегали и набегали, воздух стал холодным и заставил меня поёжиться. Вскоре ветер стал дуть ещё сильнее, смешавшись с морской влагой, холод стал пронизывать насквозь, дополняя внутренний холод. На горизонте уже сверкали молнии, предвещая сильную грозу, и я думал об отце, который сейчас был один посреди моря в маленькой лодочке, один в руках безжалостной стихии. Я должен был быть там, рядом с ним, как и обычно, но я стоял на мокром песке, всматриваясь в горизонт, освещаемый вспышками молний.

За спиной я услышал чьи-то голоса, которые заставили меня обернуться назад. Это старик Берг со своими внуками старался как можно крепче привязать лодку. Этого старого скрягу в нашем поселении никто не любил за его скупость и мелочность. За это его и называли Бергом, сравнивая с самым ничтожным городом, считавшимся клоакой империи. Как его звали на самом деле, уже никто не помнил, наверное, и он сам в том числе, поскольку всем хватало его прозвища. Очень редко с его лица сходила наигранная улыбка, больше похожая на оскал беззубой собаки, остатки волос на голове всегда были взъерошены и торчали по обоим бокам, накрывая уши. У Берга была самая большая лодка, в которую обычно помещался он сам, трое сыновей и несколько внуков, которых всего было восемь. Вокруг их семейства всегда была какая-то непрерывная возня, все безумно суетились, как будто боялись что-то забыть или не успеть сделать. И даже теперь, когда все давно привязали свои лодки, дружная семейка, наверное, уже в пятый раз стала проверять прочность креплений, сопровождая все свои действия малопонятной мне речью. С их усердием можно было бы давно построить замок или даже свернуть горы, но вместо этого старик Берг бегал вокруг лодки, натываясь своим большим животом на кого-нибудь из детей.

Порывы ветра стали такими сильными, что стали сбивать меня с ног, дождь всюду хлестал меня по лицу ледяными струями, а я стоял и смотрел в горизонт, где море давно уже смешалось с чёрным небом. Струи холодной воды стекали по лицу, которое почти онемело от холода, но я ничего не чувствовал, мои мысли были далеки от тела. Гром гремел над самой головой, но мне казалось, что он доносится откуда-то издали, совсем из другого мира, отделённого от меня целой вечностью. Моё тело тоже было далеко от меня, я его уже не чувствовал, ноги сами собой подкосились, и я сел на мокрый песок. Откуда-то издали до меня донёсся чей-то голос, он был едва слышен, возможно, даже мне просто казалось, что я что-то слышу. Я прислушался, но вокруг меня не было ничего кроме шума дождя и ветра. Но тут голос послышался мне ещё отчётливей, он как будто звал меня, теперь уже заметно громче, чем в прошлый раз. Мне захотелось обернуться, но окоченевшая от дождя и ветра шея не хотела повернуть голову назад. Сделав большое усилие, я оглянулся. Ко мне приближался Вик, старый друг моего отца, с которым они вместе выросли и вместе воспитывались моим дедушкой, потому что Вик был сиротой. Его полное имя было Виконтиус Сардус, он был потомком некогда знатного и бога-

того рода Сардусов. Однако богатство и почёт обошли его стороной из-за того, что его дед был незаконнорожденным ребёнком, сыном конюха. Осиротел он в самом детстве, когда его отец утонул в море, а мать умерла ещё при родах. С тех пор он жил в нашей семье, моему отцу он был как брат, а может быть и ещё ближе, они всегда всё делали вместе, даже женились в один день.

– Хватит тут сидеть, пошли в дом, – сказал Вик, заглушаемый шумом грозы.

Я молча смотрел в песок, не делая попыток подняться. Вик молча взял меня под руку и потянул к себе. Пытаясь хоть немного помочь ему, я зашевелил ногами, которые двигались как чужие. Путь до дома мы преодолели в обнимку, хотя правильной было бы сказать, что только он преодолел, потому что я просто висел у него на плече, вяло перебирая онемевшими ногами.

Свеча осветила сумрак небольшой хижины коптящим пламенем, подрагивавшим от моего тяжёлого дыхания и неуверенных движений Вика, всё ещё поддерживавшего меня под руку. Прохладный воздух казался мне горячим после холода дождя и ветра, пальцы на руках всё ещё не слушались меня. Вик развёл огонь в очаге и поставил греться воду, намереваясь сделать мне отвар из трав.

– Сейчас схожу за травами и сделаю тебе отвар, вмиг оживёшь, – говорил Вик с улыбкой, пытаюсь меня подбодрить.

Он скрылся за дверью и очень скоро появился вновь, сжимая в руках небольшой мешок.

– Сейчас посмотрим, что тут у нас... так... это не то... тоже, не то... ах вот она – огненный язык, от всех болезней лечит. Мой дед был большим знатоком всяких трав и снадобий, от чего угодно мог вылечить, любого на ноги ставил, за это его все ценили. Мой отец от него многое узнал и передал мне.

Рассказывая про своего деда, он ловкими движениями растирал траву и сыпал в воду, которая начала закипать. Воздух наполнился резким, но приятным запахом отвара. Моё тело уже почти согрелось, и я подошёл поближе к огню, чтобы просохнуть. Шум на улице не стихал, кажется, он даже стал ещё сильнее, сильный порыв ветра хлопнул незакрытой дверью. Вик слегка покосился в сторону двери и покачал головой.

– Похоже, боги разгневались не на шутку, недаром нам вчера был послан знак, – сказал он задумчиво.

– Какой ещё знак? – спросил я.

– Ты ведь и сам вчера видел утром рыбу на берегу. Ночью повыскакивала из моря и утром мёртвая лежала на песке.

– Разве это что-то может значить? – недоверчиво сказал я.

– Все говорят, что это неспроста. Поэтому сегодня никто не вышел в море.

И только теперь, после этих слов, я поймал себя на мысли, что все лодки были привязаны, вероятно, с самого утра, значит никто даже не пытался попробовать рыбачить. Но мой отец был не из числа тех людей, которые верят суевериям и сумрачным знакам. Он, по-моему, даже в богов не верил, хоть и поклонялся им изредка. Возможно, он это делал просто по привычке.

– Вот, возьми, скоро остынет, – Вик протянул мне горячий отвар.

Я подул на него и сделал маленький глоток. Вкус был терпкий и немного горьковатый, чем-то напоминающий вкус лесного мёда. Почти сразу после первого глотка я почувствовал прилив бодрости, казалось, будто тёплая волна растекается по моему телу. Я сделал глоток побольше, вторая волна тепла растеклась ещё быстрее. «Недаром его деда все уважали», – подумал я. Отвар был выпит, и вместе с ним ко мне вернулась жизнь, какое-то стремление что-нибудь делать охватило меня. Мне было безразлично что, главное что-то делать, хоть прыгать на одном месте. Вик, увидев блеск в моих глазах, улыбнулся и сказал:

– Да-а-а, сразу видно, что трава хорошая. Её мой дед давал тем, кому надо было зуб вырвать или вытащить из ноги случайно воткнувшуюся ветку, боль снимает лучше любого

заговора. Только от неё слишком приткким становится человек, если много выпьет, то лучше связать его, – Вик расплылся в широкой улыбке.

Я и сам уже стал понимать, что лучше присесть и успокоиться. Кровь стучала в висках, но уже не так, как утром, а намного приятней. Сумрак хижины стал отдавать домашней теплотой и уютom, тем более в сравнении с той темнотой, которая была на улице. Казалось, что на дворе давно уже ночь – так там темно было. Лишь редкие вспышки молний освещали наполненный дождём воздух, и сразу после этого наступала крошечная тьма. Стены дома немного поскрипывали – ветер был очень сильным, его сила чувствовалась всем телом, когда очередной порыв заставлял стены и крышу дрогнуть как от удара молотом. «Похоже, сегодня боги действительно не в духе, раз решили наделать столько шума», – подумал я. Остатки отвара Вик слил в большую чашку и снова поставил воду на огонь.

– Сейчас я тебе ещё одну траву заварю, от неё легче спится, а то в таком состоянии ты до утра точно не заснёшь.

Через некоторое время новая порция отвара согревала меня изнутри, вкус был горько-пьянящий. Очень скоро моя взбудораженность действительно отступила, уступив место спокойствию и умиротворению. Для верности я налил себе ещё и выпил одним глотком, теперь оставалось лечь на кровать и ждать, когда придёт ко мне сон. Долго ждать не пришлось, тени и очертания предметов стали расплываться, звуки приглушаться, и я не заметил, как провалился в мир сновидений.

Новый день пришёл ко мне неожиданно, пришёл рано утром вместе с криком морских птиц и солнцем, заглядывавшим через окно и слепящим глаза. Так быстро и легко я ещё не просыпался. Всю ночь проспал как убитый, и теперь, рано утром, когда пробуждение пришло так легко и так внезапно, сладкое потягивание доставляло непередаваемое наслаждение. Свежим воздухом, пахшим морем и южным ветром, дышалось легко и хотелось, вдохнув, его не выдыхать.

Окинув взором домашнюю обстановку, я вспомнил про всё произошедшее со мной вчера. Дома было пусто и тихо, скорее всего, отец вернулся очень поздно и уже уплыл обратно в море, опять не разбудив меня. Это означало, что весь день мне нечем будет заняться, кроме починки крыши, которая после ночного шторма была немного покосившаяся.

Дверь на удивление осталась цела и с лёгкостью открылась, тепло солнца и свежесть воздуха ещё раз заставили меня закрыть глаза и сладко потянуться. Птицы летали низко и кричали, приветствуя начало хорошего дня. Небо было абсолютно чистое с парой маленьких белых облачков, уже уносимых ветром за горизонт. Ещё немного влажный песок был тёплым, прямо у берега моря покрытый какими-то чёрными водорослями, выброшенными во время шторма. Последние лодочки отплывали от берега, уходя за горизонт в сторону ослепительно яркого солнца, вернувшего нашему заливу жизнь после ночного кошмара.

Весь день был впереди, и я решил пройтись по берегу в сторону небольшого холма, за которым начиналась роща. В этой роще водилось много разных мелких зверьков, на которых я охотился в детстве. Поймать никого не получалось, но зато эта детская забава всегда очень радовала меня. Помню, как отец мне сделал длинный лук из большой ветки и учил меня стрелять. Поначалу было больно держать лук и натягивать голыми пальцами тетиву, которая врезалась в кожу, но со временем я привык и даже стал довольно-таки метким стрелком. В те годы лесным обитателям хорошенько доставалось от юного стрелка, мучавшего птичек и белочек. Но мне всегда хотелось настоящей охоты с настоящим оружием. Раз в пару лет любители охоты из нашего селения собирались и шли загонять кабана или кого-нибудь ещё из крупных животных. Тогда все наши мальчишки смотрели на охотников как на богов, наши глаза горели от восторга и восхищения, наверное, каждый мечтал в детстве стать охотником, взять в руки настоящее оружие и пойти в лес навстречу опасностям.

Тем временем я уже подошёл к роше, деревья расступились передо мной, и я углубился в зелёное море. Здесь было так спокойно и красиво, что хотелось раствориться в этой прекрасной зелени и стать лесным духом. Высокие деревья устремлялись своими вершинами в небо, почти доставая до лёгких облачков, мирно плывущих по небу. Я пробирался сквозь кусты и высокую траву, приближаясь к ручью, издали приветствовавшему меня своей прохладой. На его берегу раскинулась одна небольшая полянка, которую я облюбовал ещё в раннем детстве. Там было безумно красиво, попав туда однажды хотелось остаться жить навсегда среди этого лесного великолепия.

Земля стала совсем мокрой, и это означало, что до ручья осталось совсем немного, ещё несколько шагов, и я очутился на мягкой траве моей поляны. Казалось, что это место несколько не изменилось с прошлого года, когда я в последний раз его навещал. Всё так же здесь стояли высокие деревья, обвитые длинными растениями, всё так же журчал ручей и порхали бабочки. Те деревья, которые уже отжили свой век, лежали друг на друге и поросли сплошь зелёным мхом, который свисал с них как плед. Лучи солнца, проходившие сквозь кроны деревьев, играли в воздухе пылинками и букашками, создавая в воздухе причудливые хороводы. Наверное, это место было единственным, где я хотел бы остаться навсегда, время здесь как будто останавливалось и растягивалось в вечность.

Я прилёг на траву и посмотрел вверх, а там были всё те же деревья-великаны, рвущиеся в небо, которые по-прежнему мирно покачивались в самой вышине, переговариваясь между собой тихим шелестом листвы. В них было что-то величественное, что-то вечное, по сравнению с ними я ощущал себя букашкой, маленькой, но родной им букашкой, частью леса, частью всей этой прекрасной природы. И мне хотелось раствориться во всём этом, стать ветром, чтобы тихо шелестеть в полуденный зной листвой в густой зелени деревьев и колыхать высокую траву. У ветра было то, чего не было ни у кого из людей, у ветра была свобода, он жил только для себя и был там, где ему хотелось. Так всегда было и так будет всегда, во веки веков.

Всё окружавшее меня с самого детства казалось мне живым: все деревья, предметы, камни. Когда кому-то было одиноко и тоскливо, я был в дружной компании моих собеседников, с которыми я разговаривал при любом удобном случае. Мне всегда было что им поведать, а они всегда готовы были меня выслушать и поддержать своим молчанием. Мне казалось, что так я могу лежать вечно, просто лежать и смотреть в небо, слушать шелест листвы и журчание ручейка, даже голод не чувствовался. В такие моменты было очень легко на душе, и мысли сами уносили меня в сказочные дали, чаще всего я мечтал о путешествиях, о настоящей свободе, когда я буду предоставлен сам себе и буду вольным как ветер.

Ни разу в жизни я не уходил дальше своего поселения и этой роши, но с самого раннего детства мне было интересно, что находится за рошей, за холмом, что будет, если я буду плыть всё дальше и дальше, так далеко, как я ещё никогда не заплывал. Со временем желание узнать это только усиливалось, но возможности удовлетворить своё любопытство у меня не было. Наверное, сыну рыбака суждено прожить всю свою жизнь и состариться в Норонмеле, точно так же, как и всем его жителям.

У простых рыбаков не бывает в жизни ничего кроме рыбалки и обыденных хлопот, занимающих всё время. Такая жизнь всегда меня тяготила, мне хотелось чего-то другого, чего-то необычного, великого и прекрасного. Много раз мне хотелось всё бросить и уйти в манящие дали, просто так взять и уйти, и идти куда глаза глядят, просто идти вперёд, не думая о том, что будет завтра. Но это были всего лишь мечты, быть свободным я мог только в своих мыслях, меня ждала такая же жизнь, как моего отца и всех прочих рыбаков. Рождённый от рыбака не может быть кем-то другим, судьба не даёт человеку выбора, он лишь песчинка в этом мире, которой суждено занять своё место среди тысяч других песчинок. Поэтому всё свободное время я проводил в одиночестве, оставаясь наедине со своей мечтой, хотя бы в мыслях я мог к ней немного приблизиться.

Пока я лежал на траве, время быстро летело, так быстро, что я и не замечал, как оно проносилось мимо меня. Мой взор снова устремился на небо, солнце было уже совсем высоко, а это означало, что близился полдень, и мне пора уже возвращаться обратно и заняться починкой крыши. К этому времени лесные жители совсем оживились, бабочки вовсю летали, казалось, их тут море, так много их было. Белки прыгали по веткам, с интересом поглядывая на меня, маленькие ящерки одним движением запрыгивали под большие камни, не желая подпускать меня близко к себе. «Всё-таки надо будет здесь когда-нибудь построить дом», – пронеслось у меня в голове. Жить в таком замечательном месте я бы не отказался, даже если бы мне пришлось испытывать некоторые неудобства лесной жизни. Тем временем я уже вышел из рощи и направился к дому, надеясь на то, что Вик остался дома. В таком случае я мог бы сразу взять у него инструменты для починки крыши, так как у нас их никогда не было.

Песок раскалился до такой степени, что по нему было больно ступать, и приходилось идти по самому берегу моря, где он охлаждался морской водой. Вчерашняя буря и сегодняшняя жара – это что-то странное, такого я не помнил с детства, обычно в это время погода бывает тёплая, но не жаркая, хоть месяц урожая только и начался. Может быть Вик был прав, когда говорил о плохом настроении богов, так нещадно солнце ещё никогда не палило.

Когда я подошёл к поселению, в воздухе висела мёртвая тишина, жара всех загнала по домам, даже возле дома Берга не слышалось привычной возни его семейства. Не заходя домой, я сразу направился к дому Вика, чтобы не терять время и побыстрее закончить всю работу. Ещё издали я заметил, что Вик стоит возле порога и смотрит в море. неужели ему не было дела до палящего солнца, которое загнало всё живое в тень?

Вик заметил меня и повернулся в мою сторону, сделав пару шагов навстречу. Вместо обычного приветливого взгляда его лицо излучало какую-то тоску и озабоченность. Этот странный взгляд меня насторожил, у него явно что-то случилось, пустяки его никогда не заставляли меняться в лице, он всегда был спокойным и умиротворённым. Я подошел, вопросительно смотря на него, намереваясь узнать о причине его невесёлого настроения.

– Добрый день. На тебе лица нет, что-то случилось? – спросил я.

Вик задумчиво посмотрел на меня, ничего не отвечая, казалось, ему сложно подобрать слова для ответа. Я ещё более удивлённо посмотрел на него, заподозрив, что случилось что-то неладное. Я хотел было снова спросить его о причине его столь странного поведения, но он опередил меня своим ответом:

– Твой отец до сих пор не вернулся... – ошарашил он меня своим ответом.

– Как это не вернулся? Он приплыл позже всех, как и обычно, а утром снова отплыл в море.

Но Вика моя мысль не убедила, а, скорей, опечалила. Опустив глаза, он мне сказал:

– Вечером его лодки не было, и утром тоже... пара человек сегодня отправились в то место, где он любил рыбачить.

Я не хотел верить в то, что слышал, этого просто не могло быть. Отца могло унести далеко в море в шторм, но он должен был успеть вернуться, если не вчера, то сегодня. В любом случае должно было быть объяснение его отсутствию. Но в голову лезли только ужасные мысли, которые я безуспешно пытался от себя отогнать. Больше всего меня убивала моя беспомощность, я абсолютно ничего не мог сделать, ничем не мог помочь своему отцу. У меня не было даже лодки, на которой я мог бы отправиться на его поиски, и от этого мне становилось невыносимо больно. Я готов был делать что угодно, даже что-нибудь бессмысленное, лишь бы хоть как-то помочь ему. Ноги не могли стоять на месте, они как бы рвались куда-то, постоянно нервно подрагивая, руки то сжимались в кулаки, то снова разжимались.

Вик, пытаясь меня хоть как-то поддержать, взял меня за руку чуть выше локтя и сказал:

– Нам сейчас остаётся только ждать и просить милости у богов. Если им будет угодно, то всё обойдётся.

Вик пытался своим тоном и видом выразить уверенность в сказанном, но его дрожащий голос выдавал сильное волнение, ему, наверное, было трудно сохранять внешнее спокойствие, ведь мой отец был ему дороже любого из друзей.

Моя нервная бодрость неожиданно сменилась сильной слабостью, которая особенно сильно чувствовалась в ногах. Они, только недавно готовые нести меня куда угодно, еле удерживали меня в равновесии. Думая о том, что я могу сейчас сделать, я всё больше чувствовал своё бессилие, с каждым мгновением всё более осознавая свою ничтожность, ведь я всего лишь песчинка, а что может поделаться маленькая песчинка в таком большом мире? Наверное, только затеряться в нём и сгинуть навсегда. «Как только я мог раньше думать, что я что-то значу? Зачем я так самоуверенно считал себя хозяином своей судьбы, если я даже сейчас, даже в такой важный для меня момент не могу сделать абсолютно ничего, почему я раньше этого не осознавал? И теперь, когда я должен спасти самого дорогого мне человека, вместо решимости и самоотверженности меня заполнила пустота, самая настоящая пустота, которая, завладев моими мыслями, наполняет бессилием разум, заставляет моё тело быть куском мяса, а душу – тряпкой», – эти мысли меня терзали до боли.

Ноги сами понесли меня куда-то, с трудом передвигаясь, они несли меня непонятно куда, и мне было абсолютно всё равно куда идти. Я довольно долго шёл по берегу моря, смотря себе под ноги, не замечая ни жару, ни сильный ветер, внезапно поднявшийся. Солнце очень быстро скрылось за серыми тучами, гонимыми по небу ветром, сразу потемнело, и недавно залитый солнцем песчаный берег моря стал серым и тёмным. Окружавший меня мир потерял краски, как будто прохладный ветер унёс вместе с теплом жизнь из этого мира. Всё происходящее вокруг меня принимало какой-то зловещий вид, как будто этот жестокий мир хотел поглотить маленького человечка, вяло плетущегося по берегу моря. Силы окончательно покинули меня, не желая больше никуда идти, я просто упал на то место, на котором стоял, и откинулся на спину.

Перед моими глазами были только тучи, очень низко повисшие над землёй, казалось, небо вот-вот обрушится на меня и раздавит, но это меня не беспокоило и не пугало, я уже не был в силах и не хотел цепляться за свою жизнь, оказавшуюся такой бессмысленной и бесполезной. Я готов был уйти из этого мира, просто сгинуть, не оставив за собой никакого следа, чтобы никто никогда не вспомнил обо мне. Готовый принять избавление от страданий, я закрыл глаза и стал ждать, когда стихия поглотит меня. Ни капли страха или неуверенности в своём желании у меня не было, такая мысль не могла посетить меня, так как все мои мысли рассеялись и улетели вместе с ветром, осталась лишь одна – мысль о скорейшем прекращении страданий, эта мысль заполнила меня и стала моей сутью. Я уже не мог бояться её, так как она стала мной, кроме неё во мне не осталось ничего. Остатками своих чувств я ощутил, как холодные волны стали омыwać мои ноги, потом добрались до груди, и вот они уже поднялись ещё выше, ледяная вода хлестала меня по лицу, обрушиваясь на него со страшной силой. Чувства оставили меня, слабый вздох вырвался из моей ослабшей груди. Готовый встретиться с неизбежным, я провалился в ледяную бездну.

Глава 3

Рождённый заново

Интересно, есть ли у человека душа, или все рассказы о ней – плод безграничного полёта фантазии некоторых людей, боящихся смерти? Если есть, то что она из себя представляет? Как она себя чувствует в теле человека, почему мы её не ощущаем, пока живы? А может быть наша человеческая суть, всё наше сознание – это и есть душа? Существует ли привязанность души к своему телу, или это всего лишь безжизненная скорлупа, в которой скрывается душа? Тогда душа должна стремиться избавиться от бессмысленной скорлупы, вырваться наружу и улететь туда, где ей будет хорошо. Вместо этого человек всей своей сутью, всей волей и разумом цепляется за свою жизнь, бывает готов схватиться за последнюю соломинку надежды, чтобы вырваться из лап смерти. Разве этого желает душа, если она существует? А может быть душе нужно тело, и без него она жить не может? Тогда понятно, почему люди так сильно дорожат своей жизнью, душа сама хочет сохранить своё тело, чтобы у неё была возможность существовать. Но ведь любое тело не вечно, когда-нибудь даже самый здоровый и крепкий человек превратится в дряхлого старика и уйдёт в небытие, его тело истлеет и превратится в прах. В таком случае душе придётся искать новое тело, молодое и способное к жизни, в котором она проживёт ещё какое-то время. Интересно было бы узнать, может ли душе надоесть какое-нибудь тело? Вдруг в один прекрасный момент она осознает, что теперешняя скорлупа не так удобна для нее, и она захочет найти себе новую, красивую и удобную. Если это произойдёт, то человек будет очень удивлён, проснувшись утром в новом для себя теле, не имея никакой памяти и не понимая, кто он такой. А может быть душа захочет вернуться в своё старое тело, если из него она ушла не по своей воле. Тогда ей придётся вселяться в кусок мёртвой плоти, и хорошо, если оно неплохо сохранилось, иначе душе придётся искать себе новое пристанище. В любом случае путешествие души не может остаться для человека незамеченным.

Голоса, какие-то голоса, они были вокруг меня. Они были повсюду, какие-то беспокойные и непонятные, говорящие о чём-то своём, далёком от меня. Их тревоги и заботы казались мне такими ничтожными, как проблемы в детской игре, когда всё бывает понарошку. Я не чувствовал тела и не чувствовал ничего, не осознавал своё существование и не знал, где я, да разве это могло быть важно в моём положении?

Странные голоса стали звучать всё настойчивее и громче, казалось, что они были совсем рядом со мной, окружали меня и душили. Нарастающее неприятное чувство становилось всё более ясным, теперь я уже чётко понимал, что какая-то непонятная и невидимая сила тащит меня за собой, тащит туда, где я быть не должен. Но зачем? Мне ведь было так хорошо, так свободно и легко, а теперь мне становилось тяжело и больно, особенно в груди, которую я снова чувствовал. На неё как будто кто-то наступил, дышать было трудно и больно, вновь я почувствовал своё тело, наполненное каким-то давящим чувством.

Для меня стал понятным смысл некоторых слов, голоса разделились, они больше не сливались воедино, теперь я мог слышать каждый из них по отдельности. Но всё равно смысл разговора понять было сложно, было только ясно, что вокруг меня происходит какая-то возня, невероятная суэта не понимающих или не могущих чего-то людей. «Как же мне всё это противно! Зачем это всё? Где я и зачем я здесь?» – пытался осознать я. Пытаясь это понять, я стал прислушиваться к своим чувствам. Вскоре я почувствовал свои ноги и руки, а потом голову, которая от чего-то просто раскалывалась, от этой страшной боли я захотел застонать, но не смог – мне не хватало сил.

Стало ясно, что меня куда-то несут, и все эти крики связаны со мной. Сил было так мало, что их не хватало даже на то, чтобы открыть глаза и посмотреть на происходящее вокруг меня. Наконец громадные усилия увенчались успехом, и спустя какое-то время мои тяжёлые веки открылись. Я окинул безжизненным взглядом всё происходящее. Вокруг меня толпилось много людей, все встревоженно смотрели на меня и о чём-то спорили. Поначалу я не понял, кем все присутствующие являлись, но потом стал узнавать некоторые лица. Видимо утром, не обнаружив меня дома, кто-то поднял тревогу, и все отправились на мои поиски. Странно было видеть вместе столько жителей нашего поселения, даже Берг был рядом, на лице которого к моему огромному удивлению, впервые не было его улыбки. Он выглядел обеспокоенным и озабоченным.

Шумная толпа, всё так же бурно обсуждая события сегодняшнего утра, внесла меня в какой-то дом. Не было понятно, чей он, но я сразу понял, что не наш, этот был намного просторней и светлее, обстановка была куда более богатая. Рядом со мной появился Вик, взглянув на меня, он тотчас же стал выгонять всех присутствующих на улицу. После того, как из дома все вышли, рядом со мной кроме него остались ещё пара человек, лица которых я сразу не разглядел.

Покинув дом, толпа несколько не успокоилась, разговор кипел с той же силой, но уже подальше от меня, что принесло некоторое облегчение. Вик подошёл ко мне и поправил подо мной подушку, теперь мне лежалось удобнее, и я смог разглядеть лица двоих людей, стоящих рядом. Одного из них я узнал сразу, это был старший сын Берга, огромный парень с конопатым лицом, он был самым высоким в нашем поселении, не узнать его было сложно. Вторым человеком оказалась жена Берга, которая испуганно смотрела на меня, видимо я был не в лучшем виде, казалось, что она видит перед собой покойника. Наверное, так оно и было, я сам с трудом чувствовал в себе присутствие жизни. Смотреть было очень тяжело, поэтому я прикрыл глаза и постарался ни о чём не думать. Рядом со мной слышался шорох шагов и разговоры вполголоса. Я был очень слаб, наверное, поэтому я почти сразу крепко заснул.

Проспал всю ночь я как убитый, ни разу не просыпаясь. Когда я открыл глаза, был уже день. В доме никого не оказалось, и только теперь мне удалось его как следует разглядеть. Ровные стены, высокий потолок, четыре окна в одной стене и по одному в каждой из остальных трёх. Сразу было видно, что в этом доме живёт большая семья, интересно было – чья.

В задней части дома стояло много кроватей, отгороженных от остального пространства занавеской из серой ткани. Кроватей было очень много, наверное, больше десяти, точнее сказать было трудно. В таком доме могла бы жить семья, похожая на семейку Берга. И правда, большой дом, много кроватей, точно это был его дом! А я ещё удивился, увидев его жену и сына, как мне сразу в голову не пришло, что я у него дома? Оставалось только удивляться его гостеприимству, я всегда считал его бездушным чурбаном, в голове у которого крутились только мысли о выгоде.

«Наверное, сейчас все заняты делом, а я тут лежу, пора вставать», – решил я и поднялся с кровати. Вчерашняя головная боль ушла бесследно, голова была необычайно ясная, даже странно было чувствовать в ней такую лёгкость. Точно такая же лёгкость была во всём теле, как будто его подменили, в нём было столько бодрости, что казалось, словно я и не спал пару мгновений назад. Вчерашние события казались сном, даже не верилось, что всё это происходило ещё вчера, легче было бы поверить в то, что это случилось очень давно, так давно, что от всего остались только смутные воспоминания.

Я встал и сделал пару шагов по дому, взглядываясь в окна, в которых не было видно ничего, кроме песчаного берега и синего моря. Теперь знакомое с детства море не казалось мне таким родным, как прежде, оно вообще не казалось значимым для меня. Это было очень странное ощущение, ведь только день назад я не смыслил своей жизни без нашего поселения, нашего залива и рыбалки. Казалось, что моя душа опустела и стала не способна чувствовать, хотя это

было не совсем так. Моя душа не опустела, она наполнилась чем-то новым, стала похожей на чистый лист, готовый к тому, чтобы на нём написали новую историю жизни. И я был готов к новому, сам не знаю, почему, но я был готов, абсолютно готов. Я, человек, не решавшийся ничего изменить в своей жизни, теперь чувствовал себя свободным. Наверное, для человека настоящая свобода заключается в том, что у него ничего нет, его ничто не держит на месте и не мешает совершать желаемое.

Теперь надо было обдумать свою дальнейшую жизнь, с самого детства рядом со мной был отец, он был моим наставником и единственным близким мне человеком. Он – всё, что у меня было, без него прежняя моя жизнь не имела смысла, надо было начинать всё заново, с чистого листа. Теперь у меня не было дома – он перестал быть местом, с которым меня что-то связывало. «Значит надо найти себе другой, – твёрдо решил я. – Найти новый дом, новую жизнь, новый смысл в ней, начать жить заново и делать свою жизнь такой, какой она должна быть. Какой она должна быть придётся решать самому, для того, чтобы она была у меня под контролем, а не наоборот». Если человек не станет хозяином своей жизни, то он станет игрушкой в руках судьбы, кем мне быть нисколько не хотелось. Полный решимости, я подошёл к выходу. За дверью меня ждали новая жизнь, новый мир, новая судьба, новый я. Уверенным движением руки я взялся за ручку и толкнул дверь. Снаружи было всё точно таким же: всё то же море, небо и облака, всё было прежним, за исключением одного – за исключением нового смысла, видевшегося мне во всём этом.

На удивление мои мысли относительно будущего не путались, не забивали собой голову, во всём была ясность и определённая ясность. Единственное, что я решил для себя – это было то, что я покину наше поселение и отправлюсь куда-нибудь. Куда именно, не было важно, в любом случае это намного лучше, нежели оставаться на том же месте. Прежняя жизнь мне теперь вообще не казалась жизнью, да и как она может нравиться кому-то? Как она мне могла нравиться всё это время? Копопшиться как жук, изо дня в день только и думая о том, как добыть пропитание, облить своим потом песок у моря, и всё это ради того, чтобы просто не умереть с голоду. Это могут делать и звери, причём намного более успешно, нежели люди. Проживая такую жизнь, жизнь животного, мы лишь существуем. А в том ли смысл жизни, чтобы отжить свой срок, потоптать землю и уйти в неё? Если да, то лучше сразу уйти в неё и не томить себя долгим ожиданием неминуемого конца. А я ведь всегда это знал, всегда чувствовал, что моя жизнь пуста, но, наверное, не решался самому себе признаться в этом из-за слабости и нерешительности, которые не давали мне хоть что-нибудь изменить. Только отец что-то значил для меня, но теперь его уже нет, нет и смысла продолжать такую жизнь, да и жизнь ли это?

Надо было собираться в дорогу, растягивать сборы мне очень не хотелось, поэтому я поспешил к себе в дом. Дома было сумрачно, как и обычно, но теперь сумрак показался мне каким-то холодным, даже стены и потолок казались мне лишними, сковывавшими взор. Как только я мог здесь раньше жить? Это ведь не дом, а конура, хотя в конуре, наверное, должно быть просторней. Для начала надо было найти вещевой мешок отца, он был очень удобным, хоть и был старше меня. Отец его когда-то купил на одном из рынков Мареля и до сих пор сохранился в отличном состоянии. Он был средних размеров, сшит из двух слоёв грубой ткани, носился он на спине, для этого имелись два кожаных ремня, одевавшиеся на плечи. Он очень удобно закрывался, для этого в верхнем его крае были проделаны несколько дырок, сквозь которые продевалась верёвка. Стоило её потянуть, и горлышко мешка затягивалось. Нигде в доме его не оказалось, значит он скорее всего был в кладовке снаружи дома. Мы её очень редко открывали, потому что она обычно пустовала, все рыболовные снасти хранились в лачуге, а запасных у нас никогда не было. В кладовке оказалось очень сухо, наверное, из-за того, что её стены были хорошенько просмолены. Это, конечно же, была не настоящая смола, которая стоит довольно-таки дорого, а самодельная, сваренная из рыбьего жира и ещё пары-тройки компонентов, о которых я не знал. Мешок лежал на куче хлама, завёрнутый в ста-

рую тряпку, накопившую в себе много противной пыли, от которой я громко чихнул. Мешок оказался действительно в отличном состоянии, почти как новый, только немного растянутые кожаные ремни говорили о том, что он прослужил не один год.

Закрывая кладовку, я увидел, как из дома Берга вышел Вик и направился в мою сторону. Предстояло прощание с ним, а этого мне очень не хотелось, поскольку я предполагал, что Вику моё решение не понравится, и он попытается меня отговорить. Я поскорей зашёл в дом и положил раскрытый мешок на кровать. Предстояло в него поместить все необходимые мне для долгого пути вещи, в первую очередь, конечно же, съестные припасы. Зашедший без стука Вик застал меня за перекладыванием лепёшек в мешок.

– Вот ты где, значит, проснулся уже. А мы вчера думали, что ты меньше четырёх дней в постели не пролежишь.

– Со мной всё нормально, – как можно более сухо ответил я.

– Ох, и напугал же ты нас вчера. Когда я тебя не обнаружил утром, сразу понял, что с тобой что-то случилось. Все оставшиеся в посёлке люди отправились на поиски, хорошо, что хоть я знал, куда ты пошёл, поэтому нашли мы тебя быстро.

– Что со мной было? – спросил я, вспоминая то утро.

– Тебя нашли на берегу почти полностью занесённым песком, думали, что ты неживой уже. Весь синий был после этой ночи, да и дыхания не было совсем. Но, как видишь, оказался живой.

Вик покосился на мой мешок, в который я складывал сушёную рыбу и молотое зерно.

– Собрался ты куда-то? – спросил он после непродолжительного молчания.

– Да, – без эмоций ответил я.

Между нами опять повисло неудобное молчание. Видно было, что Вик хочет что-то спросить, но отчего-то не решается.

– Далеко ли? – наконец выдавил он из себя.

Я не знал, стоило ли ему говорить правду, ведь его реакцию на мои слова я знал заранее, но врать ему тоже не хотелось.

– Наверное, далеко... может быть даже очень далеко. Я хочу уйти из поселения.

Я не видел Вика, потому что стоял к нему спиной, но чувствовал напряжение, возникшее между нами. Сейчас мне не очень хотелось поддаваться воле чувств, от этого могла бы пострадать моя воля, от крепости которой зависела моя судьба.

– Я знал, что так всё выйдет, – прозвучало у меня за спиной.

Этот ответ меня очень удивил, я мог ожидать какой угодно реакции, но только не такой.

– Не ожидал я услышать таких слов, – признался я, поворачиваясь к Вику лицом.

Он лишь в ответ слегка улыбнулся краем рта и после недолгой паузы добавил:

– Ты с детства мечтал о путешествиях, всегда подолгу смотрел на горизонт. Твой отец мне часто рассказывал о твоей любви к его рассказам, большинству мальчиков в твоём возрасте было безразлично, что творится за пределами поселения, но ты был не таким. Ты был каким-то мечтательным, всегда спрашивал о далёких землях, об их жителях.

– Да, мне это было всегда интересно, хотелось увидеть всё своими глазами, – сказал я, доставая из мешка уже спрятанную в него отцовскую карту.

– Это твой подарок, о котором я слышал? – спросил Вик.

– Да, это та самая карта, – сказал я, разворачивая тонкий пергамент.

Её я разглядывал уже тысячу раз, зачастую уединялся с ней где-нибудь в безлюдном месте и мечтал о том, как я отправлюсь путешествовать и увижу всё то, что есть на этой карте. Фантазия рисовала красивые картины дальних городов, его жителей, замечательной природы. Но за долгие годы я так и не налюбовался куском старого пергамента, каждый раз я на него смотрел как будто впервые, с непередаваемым трепетом и томным чувством в груди.

– Так значит, ты твёрдо решил уйти?

– Да, – поспешил ответить я.

– Тогда у меня для тебя кое-что есть, – с этими словами Вик вышел из дома.

Заканчивая укладывать в мешок последнюю утварь, я окинул взглядом напоследок нашу лачугу и, убедившись, что ничего не забыл, вышел наружу. Через некоторое время я увидел Вика, несущего что-то длинное и, наверное, тяжёлое, аккуратно завернутое в тряпку и перевязанное тонкой верёвочкой. Пока он шёл ко мне, я пытался догадаться, что же было там.

– Вот, это мне досталось от моего деда, – с какой-то гордостью сказал Вик.

Опустившись на одно колено, он опустил один край завернутой в тряпку вещи на песок, а другой положил на своё колено. Аккуратно развязав верёвку, он стал разматывать намотанную во много слоёв старую ткань. Когда последний слой был снят, перед моим взором открылось то, во что я сразу не поверил. Это был меч, самый настоящий меч, такой, о каком мечтает каждый мальчишка, когда играет в детстве в воина, но этот был настоящий. Длинный стальной меч, лезвие которого так завораживающе сверкало в солнечных лучах, в это было трудно поверить, это ведь настоящий меч! Осторожно держа обеими руками такую дорогую вещь, Вик поднялся с колена.

– Это единственное, что осталось мне в наследство от рода Сардусов. Этот меч достался мне от моего деда, от которого отказался этот знатный род. Такой меч бывает даже не у каждого богатого человека, его моя прабабка отдала прадеду, когда тому пришлось уйти из конюшни Сардусов. Говорили, что этот меч некогда принадлежал командиру гарнизона. Мне он без надобности, а тебе в пути может пригодиться. Бери и не думай отказываться! От таких подарков не отказываются.

Я протянул руки вперёд, Вик положил на них меч, и я ощутил всю его тяжесть, от неожиданности я чуть не выронил его.

– Ну что, тяжёлый? – спросил он улыбаясь.

– Да уж, потяжелей тех палок, которыми я играл в детстве. Он такой длинный, я думал, мечи бывают короче.

– Этот меч предназначен для двух рук сразу, видишь, какая длинная у него рукоять? Попробуй взяться обеими руками.

Я с нескрываемым восторгом крепко обхватил правой ладонью рукоять меча прямо у гарды, и чуть пониже обхватил левой. Теперь в моих руках был настоящий меч, всю тяжесть которого я чувствовал, от этого держать его становилось ещё приятней. Я сделал пару движений, пару лёгких взмахов, отчего лезвие сверкнуло на солнце. Сразу в сознании всплыли детские фантазии, когда я мечтал сражаться с врагами, победить их всех, а потом вернуться обратно героем. Совсем замечтавшись, я чуть было не опустил лезвие меча на голову Вика. Видя мою радость, он широко улыбался. Теперь-то он был уверен, что меч обрёл своего настоящего хозяина.

– Это тебе тоже пригодится, – сказал он, протягивая мне какой-то кожаный ремень.

– Это для чего?

– Для ношения меча за спиной, попробуй надеть.

Я снял с себя вещевой мешок и накинул на себя это приспособление. Широкий ремень с короткими ножнами тянулся наискосок через спину и застёгивался на груди. Застегнув ремень и засунув меч в ножны, я удивился удобству, с которым меч расположился за спиной.

– Как удобно, мне совсем не тяжело, – сказал я, погладив ремень. – Спасибо тебе большое.

– Иди, и пусть боги оберегают твой путь.

Неожиданно Вик обнял меня, да так крепко, как только братья обнимают. Это меня немного растрогало, я ему, наверное, был почти как сын, хоть он и не показывал никогда своей любви. Я обнял его в ответ. На прощание он посмотрел мне в лицо, его глаза были

немного влажными. Прощание затягивать не стоило, поэтому я подобрал свой мешок, закинул его за спину и быстрым шагом пошёл в сторону рощи.

Мой путь лежал на запад, я намеревался добраться до Маралла, в этом большом городе должно было найтись мне место. Для начала я решил выйти на дорогу, ведущую к этому городу, а потом двинуться по ней на запад. На моей карте она проходила очень близко от залива, наверное, увидеть её я должен был сразу после рощи, так что добраться до неё я намеревался очень скоро. Время было уже послеполуденное, солнце уплывало по небу на запад, именно туда, куда я собирался отправиться. Стоило только пройти немного на юг до дороги, а потом прямо на запад – к Мараллу.

Впервые за свою жизнь я чувствовал себя свободным, старые кожаные башмаки мягко ступали по земле, за спиной висел немного отягощавший меня мешок, всё было именно так, как я себе и представлял. Только я и дорога, взгляд, устремлённый вперёд, и ветер, подгоняющий меня своим дуновением. Казалось, что я был создан для того, чтобы всю жизнь просто так идти куда глаза глядят, идти вперёд, навстречу своей мечте и судьбе. Деревья рощи стали редеть, и это означало, что она скоро закончится, а за ней будет дорога, ведущая к Мараллу.

Роца действительно очень быстро закончилась, и мои ноги шли уже по невысокой зелёной траве, застилающей всё поле до самого горизонта. Вскоре показалась и дорога, широкая и ровная, хорошо протоптанная множеством чужих ног, ступавших на неё, наверное, ещё задолго до того, как я появился на свет. Я встал на неё и посмотрел на запад. Вдали виднелись небольшие холмики, редко растущие деревья и легкая сероватая дымка, скрывавшая горизонт от моего взора. Туда я и собирался отправиться, мой путь лежал вперёд, в эту манящую к себе неизвестность.

Взглянув на солнце, я зашагал по пыльной дороге, уверенно ступая по вытоптанной земле и поднимая лёгкую пыль. Каждый шаг доставлял мне удовольствие, меч приятно покачивался за спиной, напоминая о себе, а я всё ускорял шаг, бросая вызов солнцу в гонке, конца которой не было видно. Теперь я мог сказать, что я действительно был счастлив. Впереди меня ждало долгое путешествие. Что для меня приготовила судьба? Трудности и лишения? А может быть небольшие радости или великие дела? Меня устраивал любой исход, я был готов ко всему, полный решимости, я шагал вперёд. Впервые в жизни я шёл туда, куда хотел.

Глава 4

Дорога на запад

Есть одна красивая легенда, она тоже касается дороги. Её, как и многое другое в своей жизни, я узнал от отца. В раннем детстве он мне рассказал легенду о звёздном пути, который можно увидеть на небе в тёплое время года. Белый едва заметный хоровод маленьких звёзд опоясывает небосвод, сливающийся в сплошное бледно-молочное сияние.

Давным-давно, когда людей ещё не существовало, в мире жили только боги. Жили, как и люди – со своими проблемами и радостями, достижениями и неудачами. Каждый вечер богиня плодородия выходила на небосвод для того, чтобы засеять всё небо божественным зерном. На самом деле зёрна были настоящими бриллиантами и сверкали после того, как из прекрасных рук богини падали на небесную твердь. Каждый вечер она засеивала небо звёздами, а к утру их блеск угасал, уступая место солнечному сиянию. И так продолжалось очень долго, пока главные боги, Маран и Гуран, не решили дать трудолюбивой богине заслуженный отдых. Они поручили небесному богу-кузнецу Ундерману выковать вечные звёзды, которые, однажды посеянные, могли бы светить вечно. Десять дней и ночей Ундерман размахивал своим молотом не останавливаясь, пока не выковал несколько тысяч звёзд. Набрав сверкающие божественным блеском бриллианты в большую чашу, богиня решила в последний раз засеять ими небо и пошла по небосводу, разбрасывая во все стороны мерцающие звёзды. Но чаша оказалась дырявой, и самые мелкие звёзды просыпались через дырку в её дне, усыпая путь богини. Так и получился звёздный путь, который светится по ночам бледной полосой.

Наблюдая за таким великолепием на небе, невольно начинаешь верить всем старым легендам, потому что сложно представить себе другое объяснение существованию этой красоты. Мне всегда в детстве хотелось дойти до края земли для того, чтобы найти место, где звёздный путь касается земли, хотелось коснуться холодных звёзд, разглядеть их вблизи. Сейчас я, конечно же, понимаю, что это была наивная детская фантазия, известно, что края земли никто не достигал, возможно, его и вовсе нет. Точно никто не знает, поэтому верить в это не стоит. Далеко на севере лежат бесконечные ледяные долины, устланные снегом, который никогда не тает. На западе и северо-западе расположен Огненный хребет, пройти который не удавалось никому. На востоке раскинулись безбрежные голые степи, на которых не растёт ничего кроме полувысохшей короткой травы, от которой вся земля кажется жёлтой, как сухая солома. На юге живут дикие племена, которые никого к себе не пускают, а иногда и сами нападают на южные селения империи. Со всех сторон наши земли окружены непроходимыми степями и горами, так что, если край света и есть, то его никто не найдёт.

Пока я вспоминал отцовские легенды и размышлял о крае мира, солнце уже начало склоняться к горизонту и слепить мне глаза. «Всё-таки оно меня обогнало», – подумал я. О своём ночлеге я решил позаботиться заранее, и уже собрался обдумать свой вечерний ужин перед сном, как понял, что мне негде спать. Абсолютно негде, я ведь на голой дороге! Не ложиться ведь прямо посреди неё на пыльную землю. Я стал озираясь в поисках хоть какого-нибудь укрытия, но вокруг не было ничего кроме трёх одиноких деревьев, виднеющихся вдали от дороги. Сходить с неё не хотелось, но ничего другого мне не оставалось делать. Печально оглядываясь на дорогу, я поплёлся в сторону трёх вековых великанов, широко раскинувших свои ветви. Странно было осознавать, что я, отправляясь в путешествие, не подумал о самом необходимом – о ночлеге. «Зато теперь я узнаю, каково спится собакам на голой земле», —

с усмешкой подумал я.

Сварить кашу у меня точно не получилось бы, и не только потому, что воды я с собой взял немного, и набрать её было негде, а ещё и потому, что я забыл дома наш котелок. «Хотя было бы неплохо поужинать горячей кашей с солью», – подумал я, облизывая губы. От этих мыслей у меня потекли слюнки, а живот проурчал что-то возмущённым тоном. Я попытался подумать о чём-нибудь другом, но эта попытка только прибавила мне аппетита. Только недавно я думал о вещах, очень далёких от еды, а теперь мои мысли крутились только в одном направлении, поэтому пришлось ускорить шаг, чтобы поскорей прекратить бурю, бушевавшую у меня внутри.

Деревья оказались больше, чем казались с дороги. Они могли по праву называться великанами, их стволы невозможно было обхватить в одиночку, наверное, понадобилось бы три человека, чтобы опоясать хотя бы меньшее из них. Стояли они рядом друг с другом, и поэтому их ветви между собой переплетались, создавая под собой зловещий сумрак, от которого даже на расстоянии веяло холодом. От ветра могучие стволы поскрипывали, и казалось, что надо мной нависли три чудовища, готовые раздавить меня в любой момент. Под деревьями земля была сырая, трава почти не росла, и было очень тихо, отчего каждый шорох за спиной заставлял оглядываться.

Хоть я и понимал, что в этом месте нет ничего плохого, всё-таки мне не хотелось в этой могильной сырости провести всю ночь. Гораздо приятней было посидеть под лучами заходящего солнца, которое совсем низко склонилось над горизонтом и стало намного больше, чем в полдень. Облокотившись на западной стороне на одно из деревьев, я достал из мешка свои скромные съестные припасы. Несколько пресных лепёшек и немного сушёной рыбы, больше ничего у меня не было, если конечно не считать рублёного зерна для каши, но его пришлось засунуть обратно. После хорошей прогулки рыба и лепёшки казались божественно вкусными, каждый кусочек во рту хотелось долго жевать, и в то же время хотелось побыстрее проглотить, чтобы откусить новый. Очень скоро я почувствовал себя хряком, нажравшимся на неделю вперёд, до того тяжело было у меня в животе. От былой бодрости не осталось и следа, всё тело наполнила истома и вялость, отчего хотелось только лежать и ничего не делать, лень было даже положить остатки еды в мешок или хотя бы пошевелить пальцем. Солнце приятно грело меня, тепло от сытости растекалось по всему телу, голова была свободной от тревог и забот, прикрыв от удовольствия глаза, я расслабился. Моё тело потихоньку сползло вниз, и теперь я уже не сидел, а полулежал, раскинув в стороны руки и ноги. Не хотелось даже думать о том, что будет завтра, не хотелось делать абсолютно ничего. Хотелось только лежать и лежать вот так, получая удовольствие от каждого проходящего мига.

Казалось, что пролежал я совсем немного, но когда приоткрыл глаза, было почти темно, на небе стали зажигаться первые звёзды. Вечерний ветер шелестел в листве трёх гигантов, доставляя кучу хлопот маленькой птичке, которая то и дело вспархивала от каждого порыва ветра и кружила возле своего маленького гнёздышка, опускаясь в него, чтобы через мгновение опять вылететь из него из-за беспокойного ветра. Но как бы ветер ни пытался скинуть с длинной ветки гнездо, оно всё так же надёжно висело на нём на радость птичке. И тут мне в голову пришла одна неожиданная и невероятно простая мысль. «Почему бы и мне не провести ночь в ветвях большого дерева?» – спросил я сам себя. Ветки очень тесно переплетались между тремя деревьями и могли выдержать тяжесть моего тела. Притом провести ночь на дереве мне хотелось больше, нежели на голой и сырой земле. Взобраться на дерево не составило особого труда, по старому изогнутому стволу, покрытому буграми и выгнившими дуплами, было легко карабкаться. Отыскав подходящую ветку, очень толстую и ветвистую, осталось только смастерить большое гнездо, подходящее мне по размеру. Найдя подходящее место, состоящее из переплетённых веток, я стал сгибать молодые ветви от краёв к центру, чтобы уплотнить мою будущую кровать. Очень скоро моё гнездо было готово, достаточно большое

и прочное для меня. Теперь можно было укладываться спать. Мешок и меч заняли своё место на соседней ветке, а я с удовольствием растянулся во весь рост, предвкушая хороший сон.

Стоило мне закрыть глаза, как я услышал красивое птичье пение, которое слышалось очень близко от меня. Открыв глаза, я обнаружил, что уже светло и наступило утро, а поёт рядом со мной та самая беспокойная птичка, которая вчера вечером кружила около своего гнезда. «Неужели ночь прошла так быстро?» – удивился я, потянувшись спросонья. В теле почти не ощущалось даже следов сонливости, как будто ночь закончилась, едва начавшись, пролетев в один миг. Меч с мешком висели рядом со мной, немного покачиваясь на ветру, как будто зовя меня с собой в дорогу. Схватив их одной рукой и перекинув через плечо, я спустился с дерева на землю.

После ночи земля дышала свежестью, а на траве виднелась роса, сверкающая подобно драгоценным камням. Новый день приветствовал меня солнечным светом и запахом просыпающейся земли, всё вокруг своим видом звало вперёд, побуждало продолжать свой путь. Преисполненные бодростью ноги сами понесли меня в сторону дороги, а я лишь смотрел на запад, поправляя за спиной висящий мешок и вдыхая свежий утренний воздух. А воздух был такой вкусный, что от него немного кружилась голова, и от этого хотелось его вдыхать ещё и ещё, пока я не насыщусь им, но насыщение всё не приходило и не приходило.

Небо почти полностью было закрыто белыми лёгкими тучами, и поэтому не было ясно, будет ли сегодня дождь, или нет. Погода у нас зачастую бывает очень переменчива. Иногда с утра дождь льёт как из ведра, а в полдень все изнывают от жары. Эти белые тучки показались мне не такими уж серьёзными, и я решил, что, скорее всего, будет жарко. В это время года дожди бывают редко и длятся очень недолго, в основном дует сухой ветер с юга. Он-то и угоняет тучи далеко на север, подальше от наших краёв. А там, на севере, из-за этого идёт дождь или снег, в зависимости от того, насколько холодный воздух. Хотя, так это или нет, я точно знать не могу, ведь я не бывал в северных землях, и не знаю, какая там бывает погода в это время года. Интересно было бы побывать там, где никто ещё не бывал, куда никто не заходил, боясь сильного холода. Хотя, скорее всего, там не окажется ничего кроме заснеженных полей и ледяного ветра, который заморозит насмерть любого путешественника, отважившегося покорить эти северные земли. Разве что в Месяце ветров или в Месяце урожая можно решиться на такое опасное путешествие в надежде, что в это время года там будет не так холодно. Самое печальное – это то, что в тех краях нет людей, там никто не живёт, и путешественникам будет негде остановиться, придётся ночевать на промёрзшей земле, а это мало кому может понравиться.

Тяга к путешествиям, открытию новых земель присутствует у каждого мальчишки, только вот у остальных с возрастом эта детская черта исчезла бесследно, а у меня сохранилась и глубоко укоренилась во мне. Теперь она стала неотъемлемой частью меня самого и уже не могла никаким образом покинуть меня или хотя бы измениться. Помню, как в детстве мальчишки из нашего поселения собрались в поход, набрали с собой кучу ненужных вещей, половину из которых пришлось оставить, и пошли в сторону моей любимой роши. Я среди них был самый младший, но шёл уверенней всех и держался бодрее, несмотря на то, что моя поклажа была заметно тяжелее, чем у остальных. Через какое-то время, когда мы зашли, по мнению большинства мальчишек, слишком далеко, решено было поворачивать назад. Остальных это решение обрадовало, а я ещё долго озирался назад, печально думая, что я никогда не узнаю, что находится там, за теми оврагами и полянами, которые мы так и не прошли. Из этого похода все вернулись довольными, все кроме меня. Я потом ещё долго мечтал, что когда-нибудь я один соберусь и пойду так далеко, как ещё никто не заходил, и буду идти, пока хватит сил или пока я не дойду до края земли. Тогда я ещё не знал, что эта роша не такая уж и большая, и её можно запросто пройти. У меня была эта мечта, её я хранил глубоко в себе, холил и лелеял. Оставаясь наедине с собой, доставал её из самых глубоких уголков своей души и рассматривал

с разных сторон, фантазировал и снова рассматривал, сравнивая новую фантазию со старой, находя в них преимущества и недостатки друг перед другом.

В моём воображении всегда существовал выдуманный мир, отличный от реального, лишённый, на мой взгляд, каких-либо недостатков. В нём я жил, когда у меня была возможность отвлечься от неидеального мира, жил и строил планы, реализовывал их и обдумывал новые. Но ни разу из моего красивого мирка ни одна из идей не просочилась в мир жестоких реалий. Действительность всегда была не готова принять мои идеи, и потому приходилось их прятать подальше.

Теперь, как ни странно, мне была безразлична неготовность мира принять меня настоящего, вывернутого своим нутром наружу и не боящегося его показывать. Конечно же, я понимал, что кто-то будет сопротивляться моему своеволию, но я твёрдо решил для себя, что если кто-то будет навязывать мне своё мнение или пытаться сломить волю, то ему придётся поцеловать подошву моих пыльных башмаков. Даже странно, как подобные мысли могли прийти в голову такому спокойному и миролюбивому человеку как я? Видимо, что-то во мне бесповоротно перевернулось, поставив всё с ног на голову, или наоборот, расставив всё на свои места. В любом случае это положение вещей меня устраивало, и теперь с ним придётся мириться каждому, кто окажется рядом со мной. И выбора ни у кого не будет, ведь я уже всё решил, моё решение окончательное и изменению не подлежит.

Рассуждая подобным образом, я что есть силы сжал свой кулак и взглянул на него. Мне казалось, что в этот момент в нём сосредоточена вся моя сила воли, несокрушимость характера и уверенность в успехе. И я сжал его ещё сильнее, так сильно, что почувствовал боль. Но это была приятная боль, от которой немела вся рука, в этот момент я чувствовал, как сжимаю рукой горло своим слабостям и душу недостатки. Всегда приятно чувствовать себя сильнее кого-то, даже если этот кто-то ты сам. Чувство превосходства укрепляет волю человека, даёт новые силы на большие дела.

Тем временем мой путь на запад продолжался, и теперь я уже не гнался за солнцем, а пытался догнать свою собственную тень. По её длине можно было рассчитать время до полудня, сейчас она была уже не такая большая, как утром, но всё ещё достаточно длинная. Короткая трава на полях сменилась на более высокую, в которой росло бесчисленное множество маленьких бело-голубых цветов, застилавших собой всё вокруг. Появились редкие деревья, которые были беспорядочно разбросаны по полям. Окружающий мир менялся, и меня это радовало, теперь я мог своими глазами видеть, что достиг новых земель, сбывалась моя детская мечта. Я шёл и улыбался, улыбался просто так, улыбался новым полям и деревьям, пыльной дороге и самому себе.

По моим примерным подсчётам я должен был находиться на полпути к Мараллу, значит примерно через день в полдень я должен был добраться до города. «До сих пор я ещё не решил, чем займусь по прибытии, возможно, буду работать помощником какого-нибудь торговца или мастера, хотя мне больше нравилась идея стать городским стражником. Теперь у меня и меч свой есть, надеюсь, что такому большому городу всегда нужны стражники, и я окажусь нужным», – размышлял я.

В этот день у меня голод проснулся сравнительно рано, и я решил сделать небольшой привал. Удобно расположился на старом поваленном дереве, открыл мешок, достал еду и приступил к трапезе. После сухих лепёшек и солёной рыбы очень хочется пить, поэтому после обеда запасы моей воды уменьшились втрое и были почти на исходе. «Придётся либо меньше пить, либо быстрее идти, чтобы скорей добраться до города, – решил я. – В любом случае в конце пути придётся терпеть жажду, если по дороге не набреду на какой-нибудь ручеёк с чистой водой».

Солнце сильно пригрело мне голову, отчего я совсем разморился и присел на траву. Было уже очень жарко, хотя полдень, судя по тени, ещё не наступил. «Лучше такую жару переждать

под деревом, а после полудня отправиться дальше», – подумал я. Примостившись рядом с деревом, я стал вглядываться в зелёные дали и прислушиваться к разным звукам. Где-то рядом со мной в траве стрекотали кузнечики, а в воздухе жужжали редко пролетающие жуки и пчёлы. Все звуки сливались воедино, усиливая действие жары и вгоняя меня в состояние полусна, от которого мне мерещились то журчание воды, то топот копыт. Я не придавал этим посторонним звукам никакого значения, понимая, что всё это мне только кажется, и даже топот копыт, который на удивление стал мне казаться ещё более явственным. Через пару мгновений он стал ещё громче, как будто ко мне по дороге действительно скачет всадник.

«Неужели от жары у меня помутился рассудок?» – только успел подумать я, как увидел скачущего по дороге в моём направлении конного всадника, одетого в блистающие на солнце доспехи. От конских копыт поднималась сильная пыль, расстилающаяся длинным серым шлейфом позади коня, отчего вид у этого воина был ещё более впечатляющий. Но, судя по его взгляду, он больше удивился, увидев меня, чем я, увидев его. Приостановив коня, он встал в нескольких шагах от меня, пристально разглядывая с головы до ног. Вид у него был восхитительный: высокие сапоги, стальная кольчуга, блестящий нагрудник, надетый поверх кольчуги, красивый шлем с кисточкой красных волос сверху и резвый конь, нетерпеливо переставляющий копыта. Но что-то казалось необычным, каким-то неестественным, и это касалось абсолютно всего в нём. Было нечто странное в его манере держать поводья, позы, изгибах тела и длинных вьющихся волосах цвета заходящего солнца, свободно ниспадающих с плеч. В таком виде он был больше похож на переодетую девушку, чем на мужчину. И действительно, на вид ему было лет двадцать, но ни бороды, ни даже щетины у него не было видно. Стройный прямой нос был среднего размера, рот небольшой с розовыми пухлыми губами, глаза большие и тёмные.

Первым решил нарушить молчание всадник.

– Ты кто такой и что здесь делаешь? – спросил он по-детски звонким, но уверенным голосом.

Я ему ничего не ответил, я лишь смотрел на него с ещё большим удивлением, теперь-то у меня не было сомнений – передо мной была самая настоящая девушка. И голос окончательно убедил меня в этом.

– Ты глухой или не понял мой вопрос? – услышал я от неё.

– Нет, я не глухой. Я путешественник и направляюсь в Маралл, – ответил я, всё ещё пребывая в состоянии сильного удивления.

– Кто ты... путешественник? Ты что, один путешествуешь? – спросила она, одаривая меня взглядом, которым обычно смотрят на полоумных.

– Да, я один.

Видимо мой ответ утвердил её во мнении, что с моей головой не всё в порядке, и это было видно по её взгляду, но она в ответ лишь спросила:

– Ты знаешь, что на всех дорогах промышляют грабители? Даже храбрецы не отваживаются ходить по трое, а ты в одиночку топаешь от самого Квинтия через полимперии.

– Я не из Квинтия, я вышел из Норонмеля, это рыбацкое поселение на берегу моря.

– Ни разу о таком не слышала... Тебе крупно повезло, что никто не встретился на твоём пути.

– А что бы мне было, если бы я встретил кого-нибудь?

– В лучшем случае тебя просто обобрали бы.

– А в худшем случае что могло случиться?

– Твоё тело досталось бы на ужин стервятникам, – сказала она усмехнувшись.

– Никогда не слышал подобного, я впервые отправился путешествовать, поэтому не мог этого знать.

– И зачем случилось тебе это всё?

– Есть причины... – ответил я, потупив взгляд в землю.

– Как же зовут отважного странника? – спросила она, иронично улыбаясь.

– Арслан, – ответил я после непродолжительной паузы, смакуя каждую букву своего имени.

– Сильное имя. Имя не для человека, имя для льва, – многозначительно произнесла она.

– А я и есть лев, – выпалил я, улыбаясь и выпрямляя спину.

В ответ я услышал её звонкий смех.

– Лев? Ты больше похож на котёнка, чем на льва, – сказала она, посмеиваясь, чем очень сильно меня задела.

– А тебя как звать? – спросил я, намереваясь сказать что-нибудь касающееся её имени, что задело бы её.

– Фемина, – спокойно ответила она, вглядываясь вдаль.

Ничего существенного, касающегося её имени, что могло бы её обидеть или разозлить, мне в голову не пришло, и я в ответ просто промолчал.

– Ну что ж, храбрец, может подбросить тебя до города? – спросила она, не поворачиваясь в мою сторону.

У меня было огромное желание сказать ей, что она может проваливать куда подальше, и что я и без неё могу добраться до города, но её слова о дорожных разбойниках меня заставили задуматься. Не говоря ни слова, я подошёл к лошади, она протянула мне руку, схватившись за неё, я запрыгнул на своё место позади Фемины.

– Держись, – сказала она чуть слышно и ткнула сапогами в бока коня.

В этот момент я не пожалел, что послушался её совета и держался крепче. Конь резко рванул вперёд и понёсся на большой скорости вперёд, поднимая клубы серой пыли. В роли наездника я пребывал впервые в жизни. Конечно же, в детстве все скакали на палках, изображая из себя всадников, но вообразить такие ощущения я не мог. Это было подобно волне, подхватывающей тебя вместе с лодкой и несущей вперёд, но намного более впечатляюще. Через некоторое время впереди рядом с дорогой показался двухэтажный деревянный дом, рядом с которым стояло несколько человек, которые оживлённо спорили, сильно жестикулируя при этом. Фемина остановилась недалеко от входа и пихнула меня локтём, давая понять, что пора слезить.

– Передохнём немного, у нас есть немного лишнего времени сегодня, – с этими словами она направилась быстрым шагом к входной двери, мне осталось только последовать за ней.

Войдя внутрь, я увидел большое количество людей, сидящих за круглыми и прямоугольными столами, на которых стояла всевозможная еда и напитки. Вокруг стоял такой гам, что сложно было что-то разобрать из слов говоривших, было только ясно, что каждый старается говорить погромче, чтобы его слышали рядом сидящие, и от этого голоса сливались в неразборчивый шум. Фемина заняла место за одним из свободных столов, я присел напротив, с другого края. К нам подошёл какой-то пожилой пузатый мужик с большой лысиной на всю голову в засаленном грязном фартуке. Улыбаясь натянутой на лицо улыбкой, он молча смотрел то на меня, то на Фемину, чего-то выжидая. Не понимая, что ему нужно, я вопросительно посмотрел в её сторону, но она опередила мой вопрос.

– Брагу обоим и быстро, – сказала она, не глядя на него.

Но он отчего-то не пошёл за брагой, а молча смотрел на нас, чего-то выжидая. Поняв, чего ему надо, она молча швырнула в его сторону монету, которую он поймал как собачка, которой кинули кость. Что-то было в нём от Берга. Возможно, это большой живот или глупая улыбка на всё лицо. В любом случае это сходство отталкивало.

– Так, значит, ты направляешься в Маралл? – спросила Фемина, поправляя кисточку волос на своём шлеме, который уже стоял на столе.

– Да, именно туда.

- Интересно узнать, зачем понадобилось туда идти человеку, который там ни разу не был?
- Хочу найти себе работу, скорее всего в городской страже.
- М-м-м, в страже, – сказала она, не объясняя, что означают эти слова.
- А эта штука у тебя откуда? – спросила она, кивая в сторону моего меча.
- Подарок друга. Близкого друга, – уточнил я.

Фемина ничего мне не ответила, выражение её лица было безразличным, как будто она не услышала мой ответ или не хотела слышать, задавая этот вопрос просто так.

Толстяк в засаленном фартуке принёс брагу в двух больших кружках, поставил на стол и тотчас же поспешил обратно. Фемина молча придвинула к себе кружку, взяла одной рукой за ручку и сделала долгий глоток. Я поспешил сделать то же самое, отхлебнув пенящийся напиток из моей кружки. Вкус был горьковатым и пьянящим, брагу я пил впервые, поэтому не мог по-настоящему оценить её добротность, её вкус был для меня просто непривычным.

- Тебе не жарко в доспехах в такую жару? – спросил я её.
- Для воина жара не страшна, – чётко ответила она.

«Наверное, у них хорошая дисциплина, если она даже в такую жару носит доспехи и даже не жалуется», – подумал я.

- Ты ведь из Квинтия?
- Да, именно оттуда, – сказала она после большого глотка холодной браги.
- Разве женщины могут быть воинами?
- Женщины всё могут.
- Я никогда не слышал о таком.
- У нас это разрешено, но всё равно это пока редкость.

В этот момент к Фемине подошёл один из завсегдатаев этой таверны, изрядно выпивший и намеревавшийся с ней заговорить. Некоторое время он просто смотрел на неё мутным взглядом, как будто подбирая слова, а потом вдруг его взгляд просветлел, и он выговорил заплетаясь языком:

- Здравствуй, красавица... Слышишь? Красавица...

Его изрядно качало, и он делал большие усилия для того, чтобы одновременно сохранять равновесие и говорить.

- Красавица... пошли со мной... ик! Ой...

На мгновение он посмотрел на меня бессмысленным взглядом и снова переключил внимание на Фемину. Но она как будто не замечала его, и это его заставило встать прямо перед ней, закрыв весь обзор.

- Э-э-й, красавица, – промычал он, наклоняясь вперёд и трогая её волосы.

Только я поднялся для того, чтобы сказать, что ему лучше уйти, как Фемина неожиданно ударила его со всего размаху ладонью по лицу. Удар был таким сильным, что он отлетел на несколько шагов, пару раз перекувыркнувшись. Такого ответа на свои слова он не ожидал, а я тем более. Единственное, что мне оставалось сделать – это сесть обратно на своё место с раскрытым от удивления ртом. Фемина лишь сделала ещё один глоток браги, как будто ничего не произошло. Обратившие на это внимание несколько человек лишь усмехнулись, наблюдая за тем, как потерпевший неудачу пьяница сидя на полу ошалело смотрит по сторонам, ища у кого-нибудь защиты. Но все наблюдавшие за развитием событий были довольны исходом, и неудачнику пришлось ретироваться.

- Сильно ты его, – сказал я, впечатлённый увиденным.
- Это я не сильно, только припугнула, – ответила она с лёгкой усмешкой.

И хоть в её словах сквозила ирония, это не уменьшало моего впечатления. Постепенно она в моих глазах становилась похожа на настоящего воина, дисциплинированного и жёсткого, способного в случае необходимости спокойно принять решение.

- С мечом хорошо управляешься? – спросила она вдруг.

– Ну... я не обучался этому, но, наверное, неплохо.

Фемина в ответ лишь усмехнулась. Рядом с этой девушкой я начинал чувствовать себя маленьким мальчиком, ведь она была по-настоящему взрослым человеком, а я был парнем, который по большому счёту был похож чем-то на бродячую собаку, у которой нет ничего кроме облезлого хвоста. В каждом её движении, взгляде и слове чувствовалась уверенность, она одним своим видом давала понять, что любая цель для неё является достижимой, и что единственное, что ей требуется, чтобы её достичь, – это просто протянуть руку.

– Пошли, пора, – с этими словами она встала и направилась к выходу.

Я последовал за ней, чувствуя, как подо мной качается земля. Брага оказалась хорошей и ударила мне в голову, что не чувствовалось, пока я сидел, но проявилось, когда встал. В отличие от моей, походка Фемины была ровной и уверенной. Выйдя из таверны, я почувствовал свежесть, которая витала в воздухе. Небо почти полностью было в лёгких белых облачках, за которыми пряталось солнце, чтобы через какое-то время ненадолго выглянуть опять. Мы направились к лошади, которая спокойно стояла на том месте, где её привязали. На ней висели какие-то кожаные сумки, а также лук со стрелами в красивом колчане, которые привлекли моё внимание.

– Как ты не боишься оставлять такое добро без присмотра? Могут ведь утащить, пока тебя нет рядом.

– Не думаю, что кто-то захочет связываться с воином. У нас с этим строго, закон сурово наказывает за такие вещи, – с этими словами она одним махом запрыгнула на лошадь, через мгновение к ней присоединился и я.

Мы поскакали дальше, намереваясь ещё засветло добраться до Маралла, где я стану стражником, а Фемина... Хм, а я ведь ещё не знал, зачем она туда скачет. «Живёт она в Квинтие, значит, нести свою службу должна там же. Надо будет обязательно спросить её об этом», – подумал я, хотя какое мне может быть дело до того, зачем она туда направляется? Этого я тогда не знал, да и не задумывался над этим, мне было просто любопытно. Внезапно Фемина свернула с дороги и остановила лошадь неподалёку от неё.

– Давай слезай, – услышал я от неё.

Не понимая, в чём дело, я слез, вопросительно глядя на неё.

– Сейчас посмотрим, как ты умеешь владеть мечом, – с этими словами она вытащила из ножен свой меч, который был короче моего, но так же красив.

Предложение было странным, но мне оно понравилось, и я достал из-за спины свой меч, взявшись обеими руками за рукоять. Мои руки вновь ощутили его тяжесть, ощутили его силу и мощь, готовую обрушиться на кого угодно.

– Атакуй меня! – крикнула Фемина громко.

Я сделал шаг ей навстречу и спокойным движением сверху вниз опустил меч, который она с лёгкостью отбила, не приложив для этого почти никаких сил. В ответ на мою жалкую попытку она наградила меня оценивающе-насмешливым взглядом.

– Бей как мужчина, а не как мешок!

В ответ я взмахнул мечом и попытался нанести удар посильнее, но моя попытка закончилась так же, как и первая – Фемина отбила мой удар. Было ясно, что она уже достаточно умелый воин, и не стоит бояться причинить ей вред, можно бить всерьёз. Я сжал крепче рукоять меча и, взмахнув им изо всех сил, обрушил удар на Фемину. Казалось, что через мгновение лезвие моего меча поразит цель, что немного испугало меня, но в следующий миг юная воительница лёгким движением своего меча перенаправила мой удар немного вбок, а сама сделала резкий шаг в сторону, отчего я провалился в пустоту, образовавшуюся на том месте, где только что стояла Фемина.

Всё произошло настолько неожиданно, что я чуть было не упал лицом на землю. За спиной я услышал знакомый смех, она смеялась над моей неудачей, и это начинало злить меня.

Пусть она настоящий воин и давно упражняется во владении мечом, но она ведь всего лишь девчонка, молодая девка, которая сейчас справилась со мной играючи, словно с маленьким и неуклюжим котёнком. Это меня не только расстроило, но и задело моё мужское самолюбие, этого нельзя было оставить просто так, надо было показать самоуверенной девчонке, кто из нас двоих мужчина.

Я повернулся в её сторону. Расплывшись в широкой улыбке, Фемина стояла оперевшись одной рукой на меч и смотрела на меня. Всё внутри меня вскипело от злости, больше всего в этот момент я хотел стереть с её лица эту надменную улыбку. Ещё один взмах мечом, потом ещё один, и ещё, и ещё! Я рубил воздух, рассекая его с огромной силой, но только его, все мои удары, которыми я осыпал Фемину, с лёгкостью ею отбивались. В воздухе стоял звон от соударяющегося металла, отблески блестящих клинков сверкали со скоростью молний, одна порция ударов обрушивалась вслед за другой, в каждую из них я вкладывал всю свою силу и злость, казалось, что ничто меня не может остановить, но очень скоро я стал чувствовать чудовищную усталость в руках, и мои движения стали всё более неточными и требовали больших усилий.

Чувствуя мою усталость, Фемина предприняла контратаку и неожиданным движением выбила меч из моих онемевших от усталости рук. Я был окончательно повержен, не было сил и смысла дальше сопротивляться. Рядом друг с другом стояли два человека: один из них был сломлен духовно и физически, а другой лишь немного запыхался, но выглядел всё так же бодро и уверенно. Ей всё-таки удалось одержать надо мной верх, это было окончательное и безоговорочное поражение. Я так устал, что не был уже способен даже злиться на неё за такое унижение, я просто стоял, едва чувствуя свои руки, и пытался перевести дыхание. Фемина явно была довольна исходом поединка, ей удалось показать, кто из нас двоих выше другого на голову, и я уже начал с ней соглашаться, настолько очевидно было её преимущество. Она подошла к лошади и сняла с неё свой лук со стрелами.

– Из лука ты когда-нибудь стрелял?

– Стрелял. И неплохо. Только давно это было, последний раз лет десять назад.

Фемина снова усмехнулась и протянула мне лук. Он был побольше того, что был у меня в детстве, из тёмного дерева, высотой почти до груди, если поставить его на землю. Я вытащил одну стрелу из колчана и натянул тетиву, которая сильно впивалась в мои пальцы. Прицелившись в стоящее шагах в пятнадцати дерево, я выпустил стрелу. Тетива больно соскользнула с моих пальцев, а стрела, закрутившись в воздухе, пролетела лишь несколько шагов и упала в траву. Фемина не поленилась снова меня обсмеять.

– Я думала, догадаешься ты или нет, что из боевого лука голыми руками не стреляют. Не догадался, – и она снова расплылась в улыбке.

Действительно, как я мог об этом не подумать? Ведь этот лук был очень упругим, и чтобы как следует натянуть тетиву, требовались большие усилия, от этого тетива врезалась в пальцы правой руки, которые её натягивали. Надев перчатку, которую мне дала Фемина, я снова прицелился в дерево. Стрела со свистом вылетела из лука и вонзилась в бугристый ствол дерева. Вторая, полетев следом, воткнулась рядом.

– Да, с луком ты обращаешься получше, – сказала она спокойно, без тени восхищения моей стрельбой, от которой я был в восторге.

Видимо, её было трудно чем-то удивить, тем более чем-то связанным с оружием, которым она владела хорошо. Интересно, как она смогла в таком юном возрасте научиться всему этому? Мечом она владела так, как будто всю свою жизнь провела в войнах, а её уверенности в себе мог бы позавидовать любой взрослый человек.

– Сколько тебе лет? – спросил я её вдруг.

– Двадцать четыре.

– Двадцать четыре? – засомневался я.

– Именно.

– А я себя считал старше тебя.

– Ошибся, – абсолютно спокойно ответила она.

– Всё равно ты слишком молода для того, чтобы быть воином и так неплохо владеть оружием. Ты, наверное, родилась в dospехах.

– Нет. Отец с детства приучил. Он мне когда-то сказал, что в этом мире надо быть сильным или быть рабом чьей-то воли. Мне больше понравилось первое предложение.

– И ты с самого детства стремилась стать сильной?

– С тех пор как я научилась ходить, отец всерьёз занялся мной. Каждое утро я вставала с зарёй и шла на речку за водой, которая была довольно-таки далеко от замка, а потом в течение дня мы несколько раз упражнялись с деревянными мечами, копьями и луками.

– Ты жила в замке? – удивился я.

– Да, я дочь графа. А ты думал, всем разрешают носить такие волосы? – сказала она усмехнувшись.

– Значит, из-за твоего происхождения тебе разрешают всякие вольности?

– Нет, мне разрешили только отпускать волосы и не собирать их в хвост, а в остальном я живу так же, как и все.

Дисциплина прежде всего!

– Но зачем графской дочке служить как обыкновенному человеку? Ты могла бы жить в роскоши.

– Вообще-то я несу службу не как обычный человек, а в конной гвардии, это у нас самые лучшие войска, там есть достаточно отпрысков знатных родов, славящихся подвигами своих предков. Для них это красивая традиция. Семь лет они несут службу, а потом возвращаются обратно домой и живут своей жизнью.

– Но ты ведь девушка.

– Отец был против, но я настояла на своём. Он не мог мне отказать, он ведь меня любит. Поначалу ворчал из-за моего решения, а потом смирился. Не хочу сидеть дома как все остальные девки, жизнь которых проходит в безделье и скуке.

И действительно, это было так. После этих слов я подумал о том, что она не похожа на девушек из нашего селения, которые только и умеют, что глупо смеяться и вешаться на шеи всем красивым парням. Они мне никогда не нравились, наверное, именно поэтому у меня никогда не было любимой девушки. Смешно было испытывать что-то похожее на любовь по отношению к ним, их и всерьёз-то воспринимать с трудом получалось, не говоря уже о любви. По моему мнению, любить можно только совершенную девушку, а такую на своём жизненном пути я пока не встретил.

– Нам пора, – сказала она тихо.

Видно было, что она, как и я, только что вырвалась из своих размышлений и ещё не отпустила от себя пару мыслей, не успевших вылететь из головы. Взобравшись на лошадь, мы медленно поскакали в сторону Маралла. Каждый думал о своём, судя по всему, наш разговор заставил Фемину вспомнить что-то из своего детства, что заняло её мысли на какое-то время. Может быть, это были воспоминания о самом юном возрасте, когда она была совсем-совсем маленькой, а может воспоминания о времени, проводимом вместе с отцом за занятиями фехтованием или стрельбой. Любые воспоминания бывают дороги человеку, тем более, если они самые старые и касаются того, чего уже давно нет на свете. Но долго так вяло топтать по дороге мы не могли, и поэтому Фемина прищипорила лошадь, которая рванулась вперёд, резко набрав скорость.

Очень скоро окружающий нас пейзаж изменился. Вместо обыкновенных полей, покрытых зелёной травой, перед нами расстились безбрежные моря спелых колосьев, красиво колышущихся на ветру. Было видно, что время жатвы уже почти настало, и очень скоро на эти поля выйдут множество людей, чтобы полить их своим потом и собрать весь урожай. Мы ска-

кали и скакали вперёд, а полям не было конца. Разделённые небольшими тропинками, они расстилались по обе стороны от дороги до самого горизонта. Трудно было вообразить, сколько зерна можно собрать с этих полей. Недаром Маралл называют городом землепашцев. Казалось, что этим полям нет конца, так долго мы скакали по дороге мимо них, но вот вдалеке что-то зазеленело. Я решил, что это снова начинается трава, но я ошибался. Хлебные поля сменились другими, на которых росли какие-то странные растения, на которых не было видно никаких плодов.

Вдруг Фемина толкнула меня локтём, чтобы привлечь моё внимание, и указала пальцем прямо вперёд. Я посмотрел туда и увидел то, ради чего готов был идти пешком от самого Норонмеля, я увидел Маралл. Мы были ещё далеко от города, но я уже мог оценить его размеры. Он был воистину огромен, даже не верилось, что я его вижу своими глазами. Большая каменная стена тянулась так далеко, что не было видно края города. На каком-то расстоянии друг от друга на стене располагались высокие каменные башни, которые выглядели просто великолепно. Я впервые видел что-то настолько большое и величественное, даже издали можно было понять, что городские стены очень высокие. Мне хотелось поскорей рассмотреть их вблизи, поэтому я не знал, что делать с моим нетерпением, которое заставляло меня ёрзать на коне. По мере того, как мы скакали вперёд, город вырастал перед моими глазами, поднимались ввысь величественные башни и зубцы каменных стен, уже можно было разглядеть отдельных людей, находящихся на стенах.

Примерно на сотню шагов вокруг города раскинулось море тущоб и палаток, среди которых сновало множество людей, что-то перетаскивавших или просто спешивших куда-то. Иногда среди них появлялись небольшие отряды воинов, шагающих в ногу, иногда появлялись конные всадники, но в основном там находились простые люди с мешками и телегами. Столько людей сразу я не видел никогда, все бегали вокруг как муравьи, не замечая друг друга. Это было очень непривычно для меня, ведь я всю жизнь прожил в своём поселении, где все обо всех всё знали, а здесь людям было безразлично то, что творится рядом с ними, все куда-то спешили. Думаю, что даже если бы я прошёлся по дороге абсолютно голым, то этого, скорее всего, никто бы и не заметил. Чем ближе мы были к городским воротам, тем больше у меня захватывало дух от вида города, он и вправду был великолепен благодаря своим размерам и правильным пропорциям.

Когда мы въехали в город, Фемина свернула на одну из улиц и мы поскакали в сторону высокого каменного здания, примкнувшего к городской стене. По обеим сторонам от входа висели большие красные полотнища с изображёнными на них львами, а возле главных дверей стояли два стражника. Слезая с коня, Фемина сказала мне:

– Сейчас мы пойдём к начальнику городской стражи. Он мой давний друг, так что веди себя рядом со мной прилично.

Достав из-за пазухи какой-то свиток, она направилась ко входу. Я последовал за ней.

– Срочное донесение начальнику городской стражи, – сказала она, проходя мимо стражников и показывая свиток.

Стражники не сказали в ответ ни слова, только как-то странно посмотрели на меня. Наверное, им раньше не приходилось видеть человека, одетого как бродягу, направляющегося к самому начальнику стражи.

Войдя в здание, мы оказались в большом зале с высоким потолком. Всюду на стенах висели большие светильники, уже горевшие, несмотря на то, что солнце ещё не село. Пройдя через весь зал, мы свернули в длинный коридор, в конце которого была широкая лестница, ведущая наверх. На втором этаже обстановка была немного более роскошная, чем на первом этаже, но всё-таки по-военному строгая. Окна были шире, поэтому здесь было намного светлее, а на стенах висели всё те же красные полотнища со львами, иногда среди них можно было увидеть висящий щит с перекрещенными под ним мечами.

В самом конце второго этажа была большая дверь с большой металлической ручкой в виде кольца, подойдя к которой Фемина постучала. В ответ из-за двери послышалось что-то очень напоминающее рык дикого зверя, только это была человеческая речь. «Наверное, обладатель такого голоса должен быть похож на медведя», – только успел подумать я, как Фемина открыла дверь, и я увидел того, кто издал этот рык. За огромным столом сидел человек невероятных размеров, одетый в красивые блестящие доспехи с полосками красной материи на плечах, а прямо на груди у него был нагрудник с выкованной на нём мордой льва. Он сидел, широко расставив ноги, оперевшись одним кулаком на ногу, а другой держа на столе. Его тёмные глаза смотрели на нас из-под густых бровей, пронзая своим взглядом насквозь и парализуя от страха. От его вида у меня поползли мурашки по коже. Но такое впечатление, наверное, он произвёл только на меня, потому что Фемина бодрым шагом вошла в комнату и сказала приветливо:

– Здравствуй, Дормидонт!

Начальник стражи ещё пару мгновений сверлил её своим взглядом, а потом вдруг расплылся в улыбке, оголяя два ряда крепких зубов.

– Фемина! Это ты! А я тебя сразу не признал! – проревел он своим громовым голосом.

– Это не удивительно, ведь в последний раз мы виделись лет пять назад, – сказала она улыбаясь.

– Да-а-а, изменилась ты с тех пор. Тогда ты ещё служила в младшем отряде стражников. А теперь ты у нас кто?

– Теперь я в конной гвардии.

– Да, а я в тебе не сомневался. С твоим характером ты скоро станешь командиром своей гвардии.

Фемина в ответ лишь улыбнулась.

– А ко мне с каким делом пожаловала? Я думаю, ты прибыла с поручением, а не просто повидать дядюшку Дормидонта.

– Письмо от начальника городской стражи Квинтия, – сказала она, отдавая свиток.

– Хм, от вашего начальника стражи... – произнёс он задумчиво, – видимо что-то серьёзное, раз он передаёт сообщение в запечатанном свитке.

Ненадолго погрузившись в свои мысли, он продолжил:

– Ладно, с этим я разберусь потом. Ты мне скажи, надолго ли прибыла, сможешь погостить у меня хотя бы пару дней?

– Я бы с большим удовольствием осталась, но завтра утром мне надо отправляться обратно.

– Очень жаль, я хотел тебе показать наш сад. С тех пор, как ты последний раз в нём была, он преобразился. Но всё равно я очень рад, что увидел тебя. Сегодня переночуешь в моей второй комнате, я прикажу постелить тебе постель.

– Спасибо большое, – сказала Фемина улыбаясь.

Потом сделала пару шагов в его сторону и сказала тихо, так, чтобы я не слышал:

– Я к тебе ещё вот этого привела, говорит, что хочет служить у вас в страже. Мечом он владеет не очень хорошо, но из лука стреляет прилично.

Начальник стражи посмотрел на меня своим грозным взглядом и едва заметно кивнул Фемене.

– Сейчас я отправлю вас к себе, – с этими словами он дёрнул за висящую рядом с ним верёвочку.

Где-то за стеной послышался звон колокольчика, и через пару мгновений в комнату вошёл стражник.

– Отведи её в мою вторую комнату, а его в казармы и выдай ему всё необходимое, – прорычал он.

Стражник кивнул ему в ответ и повёл нас по коридору до лестницы, где я остался его ждать, пока он поднялся с Феминой на третий этаж. Вернувшись, он молча спустился на первый этаж, я последовал за ним. Свернув в один из полутёмных коридоров первого этажа, стражник взял горящий светильник и довёл меня до одной из дверей. Отворив её, он сказал:

– Спать будешь на этой кровати, одежду и доспехи получишь завтра утром. Подъём у нас бывает рано, так что спать ложиться лучше пораньше.

Сказав это, он развернулся и молча ушёл, и вокруг стало абсолютно тихо. Небольшие зарешёченные окна почти не пропускали свет, от этого в комнате было сумрачно, но всё равно уютно. Кровати стояли в ряд около каждой из стен, посреди комнаты располагался небольшой стол с двумя длинными скамейками. Возле каждой кровати стоял небольшой деревянный шкаф.

В тишине был слышен каждый шорох, даже биение сердца, не говоря уже о громком урчании моего живота, который напоминал о себе с тех пор, как мы въехали в город. С утра я почти ничего не ел, поэтому мой пустой живот побаливал от голода. У меня ещё оставалось немного лепёшек, которыми я и утолил свой голод. От моего скудного ужина меня сразу потянуло в сон, поэтому я растянулся на кровати, оставив меч с мешком лежать рядом. Сон долго себя ждать не заставил и пришёл ко мне очень скоро.

Глава 5

Большой город

Проснулся я от крика «Подъём!», который, как мне показалось, прозвучал прямо около моего уха. Я с трудом открыл глаза и осмотрелся. С пустовавших вчера кроватей поднялись спавшие на них мужчины разных возрастов, среди них были как взрослые, так и молодые, вроде меня. Все молча вставали и, накидывая на себя рубахи, выходили из комнаты. Никто даже не посмотрел в мою сторону, видимо, всем было безразлично, что среди них появился один новый человек. Только я встал, как в комнату вошёл тот самый стражник, который вчера меня сюда привёл.

– Пошли со мной, сегодня тебе придётся выполнить задание начальника стражи. Так что шевели ногами, он не любит долго ждать, – с этими словами он развернулся и быстрым шагом вышел из комнаты.

Я поспешил за ним, думая по ходу о том, какое задание меня может ждать. Тем более это задание лично от начальника городской стражи. Пройдя до конца коридора, мы упёрлись в тупик. Я не сразу понял, зачем стражник меня сюда привёл, но потом увидел в полутьме небольшую дверь сбоку от нас, в которую я вошёл вслед за ним. Мы оказались в большой комнате с низким потолком, где не было ни одного окна, из-за чего единственным светом в комнате был свет от светильника, а всё свободное место занимали большие шкафы, упирающиеся в самый потолок. Из одного из них он достал свёрнутую одежду и протянул мне, потом достал из другого небольшой кинжал с четырьмя маленькими ремешками, крепившимися к нему, и протянул мне.

– Переодевайся, и идём к начальнику стражи. Все свои вещи можешь положить в любой свободный шкаф в комнате напротив твоей спальни. Я тебя буду ждать у дверей, – с этими словами он закрыл дверь на ключ.

Удалился он так же стремительно, как и обычно, как будто весь его день сплошь заполнен поручениями, и ему нельзя терять ни единого мгновения впустую. Мне снова пришлось догонять его, спотыкаясь в темноте о неровности каменного пола.

Переодевшись в новую одежду и сложив свою старую вместе с мешком и мечом в пустующем шкафу, я поднялся на второй этаж, прихватив с собой кинжал, который я просто нёс в руке, не понимая, как его следует носить. Стражник уже стоял возле двери начальника стражи, дожидаясь меня.

– Впервые видишь такую вещь? – спросил он, указывая на кинжал.

Я в ответ утвердительно кивнул головой.

– Его носят на руке, чтобы не было видно под одеждой, – сказал он, закрепляя кинжал ремешками к моей левой руке, что меня очень удивило.

– Зачем стражнику прятать своё оружие? – спросил я.

– Ты не будешь стражником, для тебя есть другая работа, – ответил он и без стука вошёл к начальнику стражи.

Тот сидел за своим столом, что-то усердно вырисовывая на тонком белом куске пергамента.

– Я привёл его, – сказал стражник и тут же вышел, закрыв за собой дверь.

– А, это ты, – проревел он, – а я думал, придётся тебя ждать до обеда. Вчера Фемина сказала, что ты хочешь быть стражником. Я подумал и решил, что ещё от одного бездельника, гуляющего без дела по городу, не будет толку, поэтому будешь выполнять мои задания. И если ты их будешь выполнять как следует, то я буду доволен. Понятно?

– Да, понятно, – поспешил ответить я.

– Вчера Фемина привезла мне письмо от начальника городской стражи Квинтия. Я думал, что в нём что-то серьёзное, но я был разочарован, когда прочёл его. Можешь сам прочесть, если, конечно, ты умеешь, – сказал он, указывая на лежащий на столе свиток.

Читать я умел, но не очень хорошо. Когда-то отец учил меня алфавиту, и я читал написанные на песке слова, но это было очень давно, и я мог многое забыть.

– Да, я умею, – сказал я, беря в руки свёрнутое письмо.

Как оказалось, я не забыл всё то, чему меня учил отец, и неторопливо принялся читать текст письма слово за словом.

«НАЧАЛЬНИКУ ГОРОДСКОЙ СТРАЖИ ГОРОДА МАРАЛЛА

Как мне стало известно, в нашем городе появились последователи одного очень опасного и таинственного культа. Об этом культе мне не известно почти ничего, не считая того, что его последователи поклоняются огню и набирают новых людей в свои ряды. Есть опасения, что приверженцы этого культа готовят вооружённое восстание. Известно, что идейная верхушка этой организации находится в вашем городе. В связи с этим прошу принять все необходимые меры для устранения возможной опасности.

Начальник городской стражи города Квинтия»

Прочитав письмо, я взглянул на Дормидонта.

– Ну что? Прочёл всё? Видишь, какую ерунду мне пишет сам начальник городской стражи? Если мы здесь будем обращать внимание на каждый новый культ, то некому будет исполнять обязанности городской стражи. И хоть я не воспринимаю все эти глупости всерьёз, тебе поручаю разобраться с этим делом. Это твоя возможность показать, на что ты способен. Подробности узнаешь у Авдона. Можешь идти.

Я молча вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Всё тот же стражник, которого, как оказалось, зовут Авдон, ждал меня снаружи.

– Получил указания? Теперь слушай подробности. Тебе придётся стать одним из последователей культа огня, они охотно набирают новобранцев, поэтому это не составит особого труда. Но для начала тебе надо пару дней понаблюдать за их деятельностью, посмотреть, сколько людей к ним приходит и в какое время, а потом уже при необходимости внедриться в их ряды. Каждый день о результатах будешь докладывать лично мне, моя комната находится рядом с комнатой начальника стражи. Вопросы есть?

– Что мне надо будет делать, когда я буду среди них?

– Узнаешь, чего они хотят, и сообщишь мне. Ещё вопросы есть?

– Нет.

– Тогда иди в столовую, а когда закончишь завтракать, отправляйся выполнять задание. Приверженцы культа собираются в большом двухэтажном доме, который находится неподалёку от городского храма. Прямо перед домом есть небольшая площадь, на которой растёт столетнее дерево, под ним стоят несколько скамеек. Оттуда будет очень удобно наблюдать за всем происходящим. Дорогу до храма спросишь у любого прохожего. А теперь иди, – с этими словами он развернулся и зашёл в комнату начальника стражи.

Судя по моим догадкам, столовая должна была находиться где-то на первом этаже, поэтому я спустился вниз и стал заглядывать во все двери подряд. С левой стороны были спальни стражников, в комнатах справа стояли их шкафы, а столовой не было видно нигде. Дойдя почти до конца коридора, я уже решил, что ишу не там, как услышал множество голосов, доносящихся откуда-то с конца коридора. На первый взгляд там ничего не было, не считая всё тех же дверей спален, но для верности я решил проверить. И решил я так не зря, потому что на самом деле коридор там не кончался, а всего лишь сворачивал налево, где были открыты широкие двери столовой.

Внутри было просторно и светло из-за больших окон, три ряда длинных столов стояли во всю длину столовой, за которыми сидели стражники и завтракали. Справа от входа стоял большой котёл, от которого пахло свежесваренной кашей, рядом лежало множество пустых мисок и чистых ложек. Взяв себе одну пару и получив порцию горячей каши, я взял кружку с какой-то пенной жидкостью и сел за стол. Многие стражники уже закончили есть и встали из-за своих мест, поэтому я решил поторопиться. Это было нетрудно, потому что каша была очень вкусной. Отхлебнув из чашки тёмную жидкость, я почувствовал уже знакомый горьковатый вкус.

Разделавшись с завтраком, я поспешил наружу, мне очень не терпелось приступить к выполнению порученного мне задания. «Наверное, в этом культе действительно есть что-то опасное, раз начальник городской стражи Квинтия так обеспокоен, пусть даже Дормидонт и не видит ничего страшного во всём этом», – размышлял я.

Узнав у нищего на улице дорогу, я отправился в указанном направлении, разглядывая городские дома. Многие из них были двухэтажные, некоторые даже трёхэтажные, с красивыми рядами ровных ступеней перед входом и большими зарешёченными окнами. Улицы были выложены крупными плоскими камнями одинаковой формы. Серые булыжники были так сильно похожи друг на друга, как будто их подбирали строго по размеру или даже каким-то образом изготавливали. Проходившие мимо меня люди шли очень быстро, как будто куда-то опаздывали. «В этом городе всё делается быстро», – отметил я про себя, постепенно привыкая к спешному течению городской жизни. Глядя на куда-то торопящихся жителей города, я уже не удивлялся поведению Авдона, которому было необходимо суетиться по долгу службы.

Храм я заметил издали, он выделялся на фоне всех остальных зданий своими размерами и ослепительной белизной. Проходя мимо него, я невольно им залюбовался, прежде мне не приходилось видеть что-то настолько красивое. Эти ровные высокие белые колонны выглядели так величественно, что любой человек, никогда не видевший храмы, сразу понимал, что в этом месте поклоняются богам.

Нужное мне место оказалось неподалёку, прямо в центре небольшой площади стояло большое дерево, широко раскинувшее в стороны свои ветви. От этого под деревом всегда была тень, в которой на скамейках сидели городские жители. Присев на одну из них, я осмотрелся. Вокруг стояли похожие друг на друга дома из серого камня высотой в два этажа, кроме одного дома, выглядевшего немного богаче остальных. Я сразу понял, что это тот самый дом, о котором мне говорил Авдон. Он был двухэтажный с большими двустворчатыми дверями и большими окнами на втором этаже, которые почему-то были наглухо закрыты ставнями. Расположившись поудобнее я стал наблюдать. Некоторое время в дом никто не входил и никто не выходил из него. У меня складывалось ощущение, что в нём никто не живёт, причём очень давно, раз днём ставни держатся закрытыми. Я уже начал скучать, как моё внимание привлёк человек странной наружности. Одет он был в длинный тёмный плащ с капюшоном, висящим сзади, и плетёные сандалии на босую ногу. Станным мне показалось не его одеяние, а его взгляд, который бегал из стороны в сторону. Очевидно, он за кем-то наблюдал, причём очень неумело, раз я сразу заметил странность в его поведении. Опасливо озираясь, он присел на соседнюю скамейку и стал коситься в сторону того самого дома, из-за которого я был здесь. Дело стало принимать интересный оборот. «Скорее всего, этот человек имеет какое-то отношение к тому культу, о котором говорил мне Дормидонт», —

с удовольствием подумал я. Этот человек сильно нервничал, теребя руками край своего длинного рукава, и всё время искоса поглядывал на дом. В этот момент к дому подошла группа людей, о чём-то между собой перешёптывавшихся. Один из них постучал в дверь, которая почти сразу открылась. Стучавший сказал пару слов кому-то, чья фигура была скрыта от моего взора полузакрытыми дверьми, позвал жестом всех остальных и вместе с ними вошёл вовнутрь. Мне стало ясно, что этот дом вовсе не пустует, в нём кто-то бывает, а ставни закрыты для того,

чтобы спрятать происходящее внутри от посторонних глаз. Дормидонт ошибался, когда называл всё происходящее ерундой, вряд ли кто-то станет прятать ерунду за закрытыми окнами и дверьми.

С приходом этой группы людей странный тип на соседней скамейке заметно оживился, видимо, он ждал их прихода. Посидев ещё немного, он встал и направился к дверям дома. В ответ на его стук двери приоткрылись, и через пару мгновений он скрылся за ними. Было ясно, что этот человек как-то связан с культом, требовалось теперь узнать, какое именно он имеет к нему отношение. Пока я сидел напротив дома, в него ещё несколько раз входили небольшие группы людей, по три-четыре человека в каждой. По моим приблизительным подсчётам внутри должно было находиться не меньше трёх десятков человек, значит, там люди собралась точно не для того, чтобы обсудить последние новости.

Долгое время из дома никто не выходил, видимо, внутри происходило что-то серьёзное, лишь спустя значительное время на пороге появились многочисленные гости. Среди них был и тот самый человек в длинном плаще, показавшийся мне очень подозрительным. Я решил, что обязательно должен за ним проследить, чтобы узнать, куда он теперь направится и где живёт. Но этого мне сделать не удалось, он в момент растворился в толпе городских прохожих. Я попытался было догнать его, но всё было бесполезно. Он как будто сквозь землю провалился. Это меня ещё больше убедило в том, что он не первый день имеет дело с культом огня и прекрасно знает, как надо ускользать от возможного преследования. Возможно, он даже играет какую-то важную роль в их организации. И из-за этого было особенно печально осознавать, что я смог его упустить.

Теперь мне оставалось только подумать о том, как мне поступить на следующий день, чтобы он от меня не ушёл. И, конечно же, необходимо обо всём рассказать Авдону и послушать, что он скажет по этому поводу, возможно, ему придёт в голову что-нибудь дельное. Размышляя об этом, я подошёл к зданию городской стражи, быстро поднялся на второй этаж и постучал в дверь. За ней не было слышно ни звука, я хотел постучать ещё раз, но в этот момент дверь открылась. Авдон жестом пригласил меня внутрь и закрыл дверь.

– Что удалось узнать сегодня? – спросил он.

– В этом доме явно что-то происходит. С самого утра в нём были закрыты все двери и ставни, никто не приходил и не выходил из него. К полудню стали собираться люди, по моим подсчётам их было человек тридцать, не меньше. Пробыли они там значительное время и вышли все вместе.

– Это всего лишь означает, что их культ собирает много поклонников, для нас это не новость. Ты заметил что-нибудь подозрительное, например, оружие или что-то ещё?

– Нет, оружия я не видел, зато заметил одного странного человека, показавшегося мне подозрительным.

– В чём заключалась его подозрительность?

– Буквально во всём. Одет он был как-то странно, в длинный тёмный плащ с капюшоном, постоянно косился на двери дома и ждал, пока все соберутся. Потом вошёл внутрь и вышел со всеми. Я хотел проследить за ним, узнать, куда он направляется, но тот растворился в толпе.

– Хм, это уже что-то. Займёшься им посерьёзней, тебе придётся как можно скорее вступить в их ряды, лучше прямо завтра. Так тебе будет удобнее следить за его деятельностью, только не вздумай сразу идти с ним на контакт, пусть твоё лицо примелькается и станет привычным, спешить нам некуда. Обрати внимание на то, что он делает и с кем разговаривает. Если он и вправду играет важную роль в их организации, то ты сможешь через него, наконец, понять, чем на самом деле они занимаются. Чем быстрее мы это поймём – тем быстрее закончим это нудное дело. А сейчас можешь идти ужинать, ты пришёл как раз вовремя. Завтра доложишь мне о результатах.

Я в ответ кивнул ему головой и вышел. «Всё-таки странный человек этот Авдон, – подумал я. – Говорит странно, как будто заранее знает, что и как будет, и ошибиться не может». Мне нравилась серьёзность, с которой он разговаривает, но если посмотреть на это со стороны глазами простого человека, то становилось смешно. Было в нём что-то неестественное, в его манере разговаривать, наверное, оттого, что приучили его говорить только по существу, не вкладывая в слова никаких эмоций. Этим он был похож на выдрессированную собачку, приученную делать только то, чему её научили.

На ужин был суп с мясом, пресные лепёшки и незнакомый мне напиток, вероятно, сделанный из овощей. Еда была очень сытной, поэтому я почувствовал тяжесть в животе и желание прилечь. Сложив свои вещи в шкаф, я направился в спальню, в которую уже стали сходить стражники. Собравшись в кучки по несколько человек, они беседовали, обсуждая последние новости уходящего дня, меня по-прежнему никто не замечал.

Оно, наверное, было и к лучшему, мне не очень сильно хотелось о чём-то разговаривать, все мои мысли были о завтрашнем дне. Предстояло вступить в ряды огнепоклонников, подвергнуть себя риску быть разоблачённым, это было серьёзным делом. Поразмыслив немного, я принял решение, что лучше всего будет прикинуться дураком, мало понимающим, зачем он туда пришёл и чего хочет. «С дурака и спросу нет, в худшем случае просто прогонят меня оттуда», – успокоил я себя этой мыслью.

Думая о завтрашнем дне, я никак не мог уснуть, всё новые и новые мысли лезли ко мне в голову, будоража моё сознание. Я представлял, как подойду к их двери, постучу в неё, что скажу открывшему её человеку, как буду вести себя внутри, а потом всё представлял заново и придумывал новые слова. С каждым разом моя речь становилась всё сложнее и запутанней, фразы бессмысленней. Засыпая, я уже представлял, как меня разоблачили, как тащат в тёмный подвал на расправу, как горят факелы и блестят лезвия ножей, как зло сверкают глаза огнепоклонников, готовящихся предать моё тело священному огню...

Проснувшись рано утром и позавтракав, я тут же отправился к тому дому. Подождав, пока в дом войдут несколько человек, я подошёл к двери и постучал. Дверь открылась сама собой, и я вошёл внутрь, очутившись в абсолютно тёмной комнате. Где-то справа виднелись отблески света, едва освещавшие небольшую лестницу, ведущую на второй этаж. Осторожно ступая по полу, я дошёл до лестницы и поднялся наверх. Передо мной предстала необычная картина: в центре комнаты стоял алтарь, сделанный из белого камня, на котором горел огонь, но рядом никого не было. Комната оказалась такой большой, что свет от огня не достигал её задней стены, отчего она казалась бесконечной. Внезапно за моей спиной я услышал шорох и обернулся. Прямо передо мной стояла толпа огнепоклонников, держащих в руках дубины и ножи. Они злобно смотрели мне в глаза, готовясь наброситься на меня.

– Пожаловал, наконец, – прошипел одноглазый толстяк с лысой головой, делая шаг в мою сторону и доставая острый кинжал. Его примеру последовали все остальные, приближаясь ко мне и заставляя пятиться назад к алтарю.

– Вот и пришёл час расплаты! – закричал одноглазый огнепоклонник, замахиваясь на меня кинжалом...

«Подъём!» – послышалось откуда-то издалека. С трудом мне удалось открыть глаза. Я лежал на кровати, мимо меня проходили стражники, одетые в ночные рубахи. Это был сон, никаких огнепоклонников с ножами и дубинами не было. Голова болела так, как будто я не спал неделю, а тело так и не отдохнуло за ночь. Хотелось поспать ещё, но надо было вставать, предстоял тяжёлый день. Протирая глаза и натываясь спросонья на стены, я дошёл до столовой, из которой пахло свежесваренной кашей. Аппетита почти не было из-за плохого сна, так и не восстановившего мои силы. С трудом одолев свою порцию каши, я пошёл одеваться.

В ногах всё ещё не было бодрости. Всю дорогу до обители огнепоклонников я зевал и потягивался, мечтая о постели с мягким одеялом.

Утро прошло точно так же, как и вчера, дом не подавал никаких признаков жизни до полудня, пока к нему не стали подходить люди. Большинство из них были одеты просто, как и большая часть людей на улицах города, видимо, новых членов культа набирали прямо с улиц. Я ждал, пока появится вчерашний человек в плаще, и он не заставил себя долго ждать. Вывернув из-за угла, он направился напрямиком к дверям дома, посматривая по сторонам, я тут же встал и направился туда же. В ответ на мой стук двери приоткрылись, на пороге стоял высокий худощавый мужчина средних лет с красными от недосыпания глазами.

– Чего тебе? – спросил он.

– Я... это...

– А-а-а, ещё один человек с улицы, – устало протянул он и впустил меня внутрь.

– На второй этаж и налево, – сказал он удаляясь.

Лестница, ведущая на второй этаж, располагалась справа, точно так же, как и в моём сне. От этого сходства мне стало не по себе, а вдруг я видел вещей сон? Отгоняя от себя плохие мысли, я поднялся наверх. К моему счастью никакого алтаря там не оказалось, вся комната была заставлена длинными скамейками, на которых сидели люди, на стенах висели светильники, освещавшие тёмное из-за закрытых окон помещение. Перед сидящими располагался невысокий помост, по краям которого стояли две большие металлические чаши, в которых горел яркий огонь.

Я присел на одну из скамеек и стал искать глазами человека в чёрном плаще. Он сидел в первом ряду справа, наблюдая за всем происходящим в комнате. Вид у него был почти спокойный, но он всё равно обеспокоенно окидывал взглядом всех присутствующих, как будто кого-то искал. В комнату вошла ещё одна группа человек, несколько из них присели возле меня. Все переговаривались вполголоса, отчего вокруг стоял постоянный шум, похожий на гудение пчелиного улья.

Внезапно все замолкли, потому что в комнату вошёл человек в длинном ниспадающем одеянии с вышитым красным пламенем на груди. Взойдя на помост, он сложил на груди руки, прикрытые длинными и широкими рукавами.

– Рад вас здесь видеть, братья мои, – начал он свою речь, смотря куда-то поверх голов собравшихся, – мы все собрались здесь, чтобы прикоснуться к величию священного огня, чтобы позволить ему очистить нас от нашего несовершенства. Огонь священен и идеален, он лишён недостатков, он очищает и испепеляет скверну, сидящую внутри нас. Ничто не может скрыться от силы всепожирающего огня, огонь велик и священен, в его пламени содержится великая сила. Только посвящённый может постичь величие священного огня, взять себе часть его силы, только посвящённого...

Его речь была монотонной и нагоняла сон, очень скоро я перестал разбирать значение произносимых им слов. Все остальные слушали замерев и раскрыв рты, даже человек в плаще перестал дёргаться и тоже слушал слова проповедника.

– ... потому что только огонь способен быть совершенным и дарить совершенство всем достойным, только огонь сможет приблизить вас к священному идеалу, сжигая ваши пороки, и только достойные смогут получить благословение священного огня...

Его речь становилась невыносимо однотонной и нудной, лишённой всякого смысла, мне было не понятно, как все приходящие сюда люди могут каждый день слушать этот бред. Через какое-то время моя голова уже гудела, и мне хотелось поскорей отсюда уйти, но надо было следить за тем человеком в чёрном плаще. Я посмотрел в его сторону, он всё так же сидел на своём месте и смотрел вперёд. Проповедник, ненадолго замолчав, снова продолжил рассказывать о силе и величии священного огня. В этот момент мне больше всего хотелось, чтобы говорящий перед нами мужчина замолчал и ушёл, прекратив мои мучения, но он всё говорил,

и говорил, и говорил... Я попробовал ненадолго закрыть свои глаза, чтобы хоть как-то отвлечь себя от происходящего. Нескончаемая речь проповедника неспешно текла, как широкая река, не обрываясь нигде, не убыстряясь и не замедляясь. Я пребывал в полудрёме, как вдруг почувствовал оживление вокруг. На помосте уже никого не было, а все сидящие встали со своих мест и начали покидать комнату. Я посмотрел направо, человека в плаще уже не было. Неужели я задремал? В такой обстановке это было сделать несложно. Я поспешил к выходу, намереваясь догнать его на улице, но, выбежав наружу, я его не увидел. Он всё-таки от меня ушёл, а может быть он вышел раньше всех остальных. Я опять его упустил, и это было уже второй раз подряд, оба раза по моей вине.

Мне очень не хотелось рассказывать Авдону всё в точности как было, иначе Дормидонт мог бы решить, что я не справлюсь с заданием, и поручить его кому-нибудь другому. Надо было придумать достойное оправдание своей неудаче.

Я постучал в дверь. Авдон, как и вчера, сам открыл дверь и впустил меня внутрь.

– Что удалось узнать сегодня? – спросил он.

– Сегодня я попал к ним в дом, это действительно оказалось не сложно, меня приняли за новенького и впустили. Я там просидел всё время с полудня и до сих пор, ничего подозрительного я там не увидел. По-моему, там просто пудрят людям мозги, которым нечем заняться в свободное время, никаким заговором там и не пахнет.

– Ты сегодня видел того человека, о котором рассказывал вчера?

– Да, он снова там появился. Зашёл вместе со всеми, сел спереди и сидел там почти до конца. Только я не смог проследить за ним, он снова ушёл.

– Как это ушёл? Он ведь был всё время рядом с тобой.

– Он как будто провалился. Всё время был у меня на виду, а потом исчез.

– Он с кем-нибудь разговаривал?

– Я не заметил этого, скорее всего, нет.

Авдон замолчал и задумался, наверное, он обдумывал план действий на завтра.

– Как думаешь, он мог передать кому-нибудь записку? – спросил он после непродолжительных раздумий.

– Мог, наверное, у него было много времени для этого, – ответил я, удивляясь тому, что Авдон со мной советуется.

– Тогда завтра будь поближе к нему и следи за тем, что он будет делать. Если он действительно передаёт сообщения таким способом, то это, скорее всего, будет что-то серьёзное, связанное с деятельностью их организации. Если наши подозрения подтвердятся, то им займётся городская стража, мы-то сможем выбить из него всю правду.

– Мне самому ничего не следует делать?

– Сам не пытайся у него ничего узнать, просто так он тебе всё равно ничего не скажет. Постарайся не привлекать к себе чьего-либо внимания, в твоём деле главное – скрытность и осторожность.

– Хорошо, постараюсь быть осторожным.

Авдон кивнул головой и направился к своему столу, а я вышел из его комнаты, закрыв за собой дверь. День был не очень удачным, я так и не сделал то, что планировал вчера. Но зато мне удалось без трудностей попасть в ряды огнепоклонников, и потом не произошло ничего плохого. «Завтра у меня ещё будет возможность наверстать упущенное, надо только постараться не уснуть от заунывной проповеди», – настраивал себя я. «Всё-таки от этого культа мало пользы, взрослые люди страдают бездельем из-за него, тратя своё время на эти собрания. Зря городская стража не занимается подобными культами, никогда не знаешь, что делается за закрытыми дверями и окнами. А вдруг где-то и вправду что-то плохое замышляют?» – думал я, спускаясь на первый этаж.

Укладываясь спать, я решил, что на следующий день обязательно должен не упустить человека в плаще, для этого лучше к нему держаться поближе, чтобы он не смог незаметно улизнуть. «И надо будет следить за его руками, если он захочет передать кому-нибудь записку, то постарается сделать это скрытно, поэтому нужна внимательность, чтобы это заметить», – подумал я. Настрой у меня был твёрдый, хоть я уже и начал сомневаться в том, что этот культ таит в себе что-то опасное. «Не может быть ничего опасного в куче бездельников, собирающихся для того, чтобы послушать о силе священного огня и прочей ерунде», – решил я, закрывая глаза.

Проснулся я от привычного уже мне крика «Подъём!». Сонные стражники в ночных рубахах выходили из комнаты, зевая на ходу. Этим утром я твёрдо решил, что в этот день выясню, какое отношение имеет человек в плаще к культу огня. Быстро позавтракав, я отправился на площадь, хотя можно было и не спешить с этим, всё равно люди начинали собираться ближе к полудню. Но на этот раз всё было совсем не так. Только я устроился поудобней на скамейке, как в дом вошёл один человек, через некоторое время второй. Это мне показалось странным, потому что так рано сюда ещё никто не приходил. Через некоторое время дом совсем ожил, туда-сюда начали ходить люди, чувствовалось, что они суетятся. Мне не терпелось узнать, что же всё-таки там происходит, и из-за чего вдруг возникла эта беготня.

Близился полдень, постоянные прихожане собрания начали стягиваться к дому, а человека в плаще всё не было. Могло ведь быть и так, что вчера он был здесь в последний раз и теперь не скоро появится. Это бы означало почти полный провал моего задания, ведь он являлся единственным человеком, на которого я обратил своё внимание, потому что остальные мне казались абсолютно незначительными фигурами.

Наконец он вывернул из-за угла, я моментально вскочил со своего места и направился ко входу. Прямо перед дверью мы чуть не столкнулись, но он даже не взглянул на меня, глядя куда-то под ноги, зашёл в открытую перед нами выходящими людьми дверь. Мы вместе поднялись наверх, он, как и вчера, сел в первом ряду, а я устроился во втором, прямо позади него. Сидел он спокойно, не вертелся как раньше, только руки изредка шевелились под плащом. Комната уже почти полностью заполнилась людьми, все ждали, когда к ним выйдет проповедник. Он появился из небольшой двери в переднем левом углу комнаты, взшёл на помост и сложил руки на груди.

– Рад вас здесь видеть, братья мои. Близится замечательный день. День, когда мы все должны почувствовать себя одной семьёй, встать рядом плечом к плечу, показать всем, как благородны поклонники священного огня. Каждый из вас может стать героем, стать ещё совершеннее, чем был раньше. Все мы братья, все мы избранные, у каждого из нас в судьбе есть задача, которую мы должны выполнить. Есть зло, которое стремится нас поглотить, и это зло уже завладело мыслями многих людей, но мы должны со всем этим покончить! – с каждым словом он говорил всё более настойчиво, в его словах чувствовалась какая-то агрессия.

– И сейчас, братья мои, – продолжал он, – каждый из вас может послужить на благо всем нам. Очень скоро сюда привезут ящики с очень необходимыми нам всем вещами, которые надо будет как можно скорее внести в дом. От нашей расторопности может многое зависеть, поэтому мы постараемся сделать всё очень быстро. Я надеюсь на вас, мои братья!

Его странные слова начинали меня беспокоить. Что это за призывы к единению и расторопности? И что это за ящики с очень нужными нам всем вещами? Было заметно, что человек в плаще очень живо отреагировал на слова проповедника, начал вертеть головой, смотреть по сторонам. Казалось, что он чем-то обеспокоен или озадачен. Остальные присутствующие люди тоже стали обсуждать услышанное ими, только в их глазах виделась не обеспокоенность, а какая-то радость, наверное, каждый из них был рад тому, что сможет сделать что-то полезное для всех. За моей спиной послышался громкий голос:

– Послушайте меня, братья мои!

Все обернулись, в дверях стоял высокий мужчина крепкого телосложения с густой бородой, достающей почти до живота.

– Братья мои, прошу всех спуститься вниз, очень скоро должен прибыть наш груз, и мы должны быть готовы, – сказал он сочным низким голосом.

Все находящиеся в комнате тут же встали со своих мест и шумно двинулись к лестнице, обсуждая на ходу предстоящую работу. Человек в плаще проследовал со всеми остальными, я пошёл прямо за ним, боясь снова упустить его из виду. Всё время он озирался по сторонам, как будто кого-то искал. Я сразу вспомнил вчерашние слова Авдона про записку, которую он может кому-нибудь передать, поэтому подошёл к нему ещё ближе.

Вдруг все рванулись на улицу, выйдя со всеми наружу, я увидел две телеги, гружённые большими ящиками. Снимавшие первый ящик мужчины чуть его не уронили, было ясно, что в них лежит что-то тяжёлое. Все бросились к телегам, а я не отставал от человека в плаще, старался быть к нему как можно ближе, даже хотел взять с ним один и тот же ящик, но меня опередил какой-то низкорослый парень со светлыми волосами. Пришлось брать следующий, поглядывая в сторону человека в плаще, чтобы он не смог скрыться незаметно. Ящики заносили в дом и складывали под лестницей, ведущей на второй этаж. Сложив первую партию ящиков, все пошли за второй.

Вдруг человек в плаще свернул направо и шмыгнул куда-то в полутьму, я тут же последовал за ним. В тёмном углу виднелась небольшая дверь. Я подошёл и толкнул её, дверь открылась. Внутри было совсем темно, поэтому пришлось идти вслепую, нащупывая дорогу ногами. Странно было, что в обычном подвале было так много места, я всё шёл вперёд, но ни стены, ни человека в плаще не было видно. Я решил, что лучше будет идти около стены, чтобы не ходить по подвалу кругами. Нащупав в темноте одну из стен, я стал продвигаться вперёд, прислушиваясь к звукам, но вокруг меня ничего слышно не было. Эта стена показалась мне очень длинной, я прошёл уже достаточно для того, чтобы добраться до угла подвала, но стена всё не кончалась. Я шёл ещё дальше, но её конца не было видно, она всё продолжалась и продолжалась.

Было ощущение, что я иду по коридору, а не по подвалу. Где-то вдалеке я увидел отблеск света и понял, что нахожусь не в обычном подвале, а в каком-то подземном лабиринте. А это означало, что он должен куда-то вести, возможно, он приведёт меня в настоящее логово огнепоклонников. Единственное, что мне не нравилось, так это то, что я находился там абсолютно один, и в случае опасности некому было бы мне помочь. Я снова увидел свет вдалеке и ускорил шаг, пол был ровным, и поэтому можно было идти быстро. Пройдя по длинному подземному коридору до поворота, я снял висевший на стене горящий факел и пошёл дальше. Шагов через десять коридор разветвлялся на три прохода, мне надо было решать, по которому из них идти. Я пошёл по самому широкому, освещая себе путь факелом.

Я не понимал, куда иду, для меня главное было найти человека в плаще или ещё что-то, что может помочь моему делу. Но с каждым шагом я всё меньше и меньше верил в то, что я здесь могу что-либо найти. Вокруг меня была тишина, слышались только мои шаги, свет в подземелье был только от моего факела, и казалось, что я уже заблудился. Я шёл вперёд по коридору, пока не наткнулся ещё на одну развилку, в три разные стороны расходились три коридора. Немного подумав, я снова выбрал самый широкий и пошёл по нему. Размеры этих подземных ходов говорили о том, что они предназначены для серьёзных целей или, по крайней мере, были когда-то предназначены, а теперь используются всякими чокнутыми огнепоклонниками.

Внезапно из одного из боковых коридоров выскочил человек и бросился от меня наутёк, свет от моего факела осветил его лицо лишь на момент, но я успел его узнать. Это был тот самый человек в чёрном плаще. Я понял, что если сейчас его не поймаю, то точно не увижу больше никогда. Он убежал от меня, сверкая светлыми подошвами своих сандалий, а я пытался

его догнать, держа в руках тухнувший от быстрого бега факел. Вдруг он остуился и, сделав пару неуклюжих шагов, рухнул на каменный пол. Подходя к нему, я сбавил шаг и достал из-под одежды спрятанный кинжал.

– Попался всё-таки, – сказал я, приближаясь к нему и переводя дыхание.

Он отползал назад, глядя на мой кинжал.

– Теперь ты мне всё расскажешь. Говори, что замышляет ваша организация, что вы задумали? Что за ящики сегодня привезли? Лучше говори, а то я тебя отдам городской страже, они из тебя всю правду выбьют!

– Я к ним никакого отношения не имею, меня прислали следить за их деятельностью, – испуганно залепетал он.

– Что за чушь ты несёшь? Ты один из них и ты не простой человек с улицы, выкладывай всё! – закричал я, приближаясь к нему.

– Я не один из них, мне было поручено следить за ними! – заикаясь ответил он.

– Кто поручил?

– Правитель Маралла, он приказал разобраться с этим культом, и это поручили мне.

– Правитель Маралла сам заинтересовался этим культом?

– Да, ему донесли, что они готовят заговор, и он решил всё разузнать.

Его слова всё меняли.

– Ну и что ты узнал? – спросил я.

– Я следил за их деятельностью дней десять, но ничего серьёзного узнать не смог. Мне уже стало казаться, что беспокойства правителя оказались напрасными, как мне удалось услышать разговор двух человек. Они не были обычными людьми, собирающимися для того, чтобы послушать про силу священного огня. По ним было видно, что они занимают серьёзное место в их организации.

– О чём они говорили?

– Я толком ничего не разобрал, но было ясно, что у них намечается что-то значительное.

С тех пор я стал относиться к их культу серьёзней.

– Значит, ничего конкретного ты так и не узнал?

– Узнал. Вчера я тайком зашёл в комнату на втором этаже. Мне удалось прочесть письмо, оставленное на столе. В нём было написано, что скоро ожидается прибытие оружия, которое привезут в этот дом.

– Это его мы сегодня заносили в дом в ящиках?

– Наверное, там было именно оно. Они точно замышляют заговор и восстание.

– Ты уже успел об этом сообщить?

– Нет, мне было приказано сегодня раздобыть какие-нибудь доказательства, письмо, например, но у меня ничего не получилось, зато я увидел, как один человек заходит в дверь, ведущую сюда. И я решил, что здесь можно найти что-нибудь полезное для меня, но к моему удивлению я обнаружил подземные ходы, о которых не знал.

– Всё ясно, тебе ничего не удалось найти, ты только запутал меня своим поведением.

Он виновато посмотрел на меня.

– Надо найти выход отсюда, и поскорее, пока нас никто не заметил, – сказал я, пряча обратно кинжал.

– Уже поздно, меня здесь видели.

– Кто видел?

– Я взял один из двух факелов, висящих на стене, и пошёл по коридору. Я шёл, постоянно оглядываясь и прислушиваясь, готовясь потушить свой факел, как только услышу малейший шорох. Но вдруг из бокового коридора вывернул человек и окликнул меня, он появился внезапно! От неожиданности я ударил его своим факелом по голове и побежал непонятно куда в полной темноте. Потом я наткнулся на тебя и, решив, что ты один из них, принялся убегать.

– А ты и вправду глуп, раз так всё получилось, – сказал я, – зачем тебе надо было бить непонятно кого? Можно было сказать, что ты случайно забрёл сюда, или придумать ещё какую-нибудь глупость. А теперь они знают, что здесь находится чужой, и будут искать тебя. И меня найдут заодно. Ты хочешь, чтобы нас порезала на кусочки эта банда заговорщиков?

Человек в плаще, понимая, что сделал глупость, опустил голову, обхватив её руками. Меньше всего мне хотелось, чтобы он теперь запаниковал, поэтому пришлось изменить тон разговора на более дружелюбный.

– Давай, вставай, пора искать выход отсюда, – сказал я, дотронувшись до его плеча.

Мой факел уже начинал тухнуть, надо было торопиться, и мы пошли быстрым шагом по коридору. Где-то далеко за нашими спинами послышались голоса. Это означало, что нас уже преследуют, и нам следует поторопиться. Потушив факел, мы свернули в один из боковых коридоров и побежали, пытаясь создавать как можно меньше шума. Через какое-то время голоса стихли, и мы сбавили шаг, пытаясь отдышаться. Наше положение было почти безнадёжным, мы были посреди огромного подземелья, которое тянется, наверное, подо всем городом. По нему можно было очень долго блуждать в поисках выхода и так его и не найти, или попросту нарваться на огнепоклонников, разъярённых последними событиями. Шансов благополучно выбраться было очень мало, и человек в плаще понимал это не хуже меня, поэтому я решил что-либо предпринять, пока он окончательно не запаниковал и не усугубил наше положение ещё сильнее.

– Нам надо идти прямо по коридору, в конце каждого коридора должен быть выход наружу, – сказал я, сомневаясь в собственных словах.

Не было никаких оснований предполагать, что есть ещё один выход, помимо того, который был в доме. Но мои слова произвели нужный результат, и мой неудачливый попутчик зашагал рядом со мной. Мы шли довольно-таки долго, прежде чем увидели вдали едва заметный свет. Это меня одновременно обрадовало и насторожило. Свет говорил о том, что впереди мог быть выход наружу, но также это означало, что там мог находиться кто-то из людей. Однако пути назад у нас обоих не было, и мы зашагали в сторону света.

Подойдя поближе мы увидели, что коридор заканчивается комнатой средних размеров, в которой кроме стола и пары скамеек ничего не было, если не считать полотнище с изображённым на нём пламенем и маленький светильник, едва освещавший всё пространство в комнате. Но главное, что меня больше всего обрадовало – это была лестница, ведущая к потолку, в котором виднелась небольшая деревянная дверца без ручки.

Я поднялся наверх и толкнул дверь, она немного приоткрылась, но света я не увидел, потому что поверх двери лежало что-то большое. Убрав эту преграду, оказавшуюся большим ковром, мы выбрались наружу, очутившись в полуподвальном помещении, заставленном разным барахлом. Было понятно, что мы находимся в чьём-то доме и надо побыстрее оттуда убираться. Со второго этажа доносились чьи-то голоса, через дверь выходить было очень опасно. Рядом с нами поскрипывало ставнями открытое окно, в которое мы решили вылезти, но это оказалось не так-то просто, потому что оно было узким. Кое-как протиснувшись в него, мы выпрыгнули наружу, оказавшись на заднем дворе. Свежий ветер обдул нас, охлаждая вспотевшие от волнения тела, вся усталость, которая копилась и не чувствовалась от нервного напряжения, вдруг обрушилась, от которой ноги стали подкашиваться. Мы обошли дом и оказались перед его входом. Вид у него был богатый. «В нём должен жить кто-то очень знатный», – подумал я, оглядывая его. Выйдя на одну из улиц города, мы пошли спокойным шагом подальше от того дома, из окна которого только что вылезли.

Теперь было ясно, что дела обстоят серьёзно, и требуются какие-то действия со стороны городской стражи. И хоть у нас обоих не было никаких доказательств готовящегося заговора, промедление могло иметь плачевные последствия.

– Тебе надо сообщить обо всём, что сегодня произошло, я сделаю то же самое, – сказал я ему.

– Я доложу сейчас же, – ответил он и повернул на другую улицу, быстро затерявшись в толпе.

Я оказался далеко от знакомых мне мест, наверное, потому что под землёй шёл почти всегда прямо по главному коридору. Спросив у прохожего дорогу до храма, я добрался до того самого дома. Двери и ставни были всё так же закрыты, внутрь зайти я не решился, да и не было в этом больше никакой необходимости. Ничего нового я бы уже не узнал, необходимо было как можно быстрее доложить Авдону о том, что я узнал сегодня, от этого могло многое зависеть. Раз заговорщики уже всё подготовили, значит, планируют осуществить свои замыслы в ближайшее время, и мне надо спешить. Путь до здания городской стражи не занял много времени, и очень скоро я поднимался на второй этаж и стучал в дверь Авдона, который как всегда открыл её сам.

– Почему сегодня ты пришёл так рано? – спросил он.

– Неожиданный поворот событий, всё оказалось намного серьёзней, чем мы думали.

– Что такое? – лицо Авдона стало ещё серьёзнее.

– Они действительно готовят заговор, я сегодня сам участвовал в разгрузке привезённого оружия. Две телеги полностью были загружены большими ящиками.

– Ты уверен, что там было оружие? Ты видел его?

– Я в ящики не заглядывал, но у меня теперь не осталось сомнений. Сегодня вместо обычных рассказов про силу священного огня я услышал какие-то странные призывы, как я потом понял, это были призывы к вооружённой борьбе. Но не это меня убедило больше всего. Сегодня я узнал, что этим культом интересуется даже правитель Маралла.

– Откуда ты это мог узнать? – перебил меня Авдон.

– Сегодня я столкнулся с его человеком, которому было поручено следить за деятельностью огнепоклонников. Им оказался тот самый человек в плаще, за которым я следил.

– Значит, он занимался тем же, что и ты?

– Да, он занялся этим делом задолго до моего появления и сначала тоже решил, что культ абсолютно безопасен, но потом ему удалось случайно подслушать один разговор, из которого он узнал о том, что готовится что-то серьёзное. Тогда он пробрался в одну из комнат и прочёл оставленное кем-то на столе письмо, в нём было написано о сегодняшнем прибытии оружия. Сегодня он решил найти какие-нибудь доказательства того, что готовится заговор, и спустился в подвал, в который незадолго до этого вошёл кто-то из людей. Я, увидев его, пошёл за ним, однако вместо подвала нашёл там подземные коридоры, которые, по-видимому, тянутся через весь город. Там мы и столкнулись, после чего он мне всё выложил. В то время, когда я его искал в темноте, он успел наткнуться на кого-то из членов культа и ударить его, после чего бросился бежать куда глаза глядят. И тогда он наткнулся на меня, так я узнал всё от него.

– Мне надо об этом немедленно доложить начальнику городской стражи. Что было потом? Вы просто вышли из подземелья?

– Мы пошли по одному из коридоров, пока не добрались до подземной комнаты, в которой была лестница, ведущая в чей-то дом. По-видимому, в нём живёт кто-то, кто связан с культом огня. Внизу в подземной комнате висело полотно с изображённым на нём пламенем, такое же пламя я видел на проповеднике, выступающем перед прихожанами.

– Ты запомнил этот дом, и где он расположен?

– Думаю, да. Он выделялся среди прочих домов, потому что был сделан из белого камня и состоял из трёх этажей. Я его долго не разглядывал, но заметил около входа две небольшие статуи в человеческий рост, держащие копьё.

– Ты уверен, что видел трёхэтажный дом из белого камня с двумя копейщиками около входа? – медленно произнося слова, спросил Авдон, заглянув мне в глаза.

– Да, но если надо, я могу показать его, кажется, я запомнил к нему дорогу.

– Об этом поговорим потом, а сейчас я пойду докладывать принесённые тобой вести. Оставайся пока здесь, может понадобится твоё участие.

Авдон вышел и закрыл за собой дверь, оставив меня наедине со своими мыслями. Сегодня было так много важных событий, что я не до конца осознавал всю их важность и все последствия, которые они могут за собой повлечь. «Сейчас Авдон докладывает Дормидонту о готовящемся заговоре, и, наверное, Дормидонт придёт в ярость, узнав, что у него под носом творится такое, о чём он должен знать первым и принимать все необходимые меры. Не зря я пошёл в подвал, иначе бы я узнал обо всём самым последним и не успел вовремя сообщить о готовящемся заговоре», – думал я, ожидая возвращения Авдона. За дверью послышались торопливые шаги, дверь открылась, Авдон позвал меня жестом за собой. Мы вошли к Дормидонту, после чего Авдон удалился.

– Ну что, доволен своей работой? – проревел Дормидонт усмехаясь.

Я лишь кивнул ему в ответ.

– Я тоже доволен. Это же надо такую кашу заварить прямо у меня под носом! На что только могла надеяться эта кучка заговорщиков? Во всём городе их не больше тысячи, и они хотели своими силами что-то сделать! – с каждым словом его глаза всё больше наливались кровью.

– Целая тысяча? – спросил я удивленно.

– По-твоему это много для такого города как Маралл? Капля в море! У нас одних только стражников около пяти тысяч по всему городу, не считая регулярных войск. Эта шайка огнепоклонников не успела бы и конуры собачьей захватить, прежде чем мы их разбили. Махать направо и налево мечом – не значит воевать.

– Значит, их всех теперь убьют? Они даже не знали, к чему их готовят.

– Если у них и вправду капля мозгов в голове, и они станут сопротивляться, то тогда им точно конец. В противном случае разгонят их, а зачинщиков будут судить. А ты молодец. Успел вовремя сообщить, иначе за такой промах наш правитель меня бы не похвалил. Ты шустрый малый, такие мне нужны. Я тебе увеличиваю жалованье, заслужил.

– Благодарю.

– Благодарят за подарки, а это твоя работа. Можешь идти.

День, без сомнений, был удачным, все обстоятельства сложились замечательно, и теперь я ждал результатов своих усилий. Теперь культ огня запретят не только в Маралле, но и в Квинтия, откуда пришла тревожная весть. Дормидонт, наверное, умелый воин и хороший начальник стражи, но он точно не обладает чутьём, раз не увидел рядом с собой того, что заметил начальник городской стражи Квинтия, хотя там огнепоклонников меньше. Но в одном Дормидонт был прав, кучка людей не умеющих воевать, не смогла бы совершить что-то серьёзное, значит, за ними должен был стоять кто-то сильный и могущественный, кто хотел осуществить переворот.

До конца дня ещё оставалось время, и я решил пройтись по улицам города. Можно было пойти в любом направлении, но я направился в сторону дома, в котором сегодня людей призывали к борьбе со злом, которое хочет их всех уничтожить. Было интересно, что там происходит теперь, когда об их планах стало известно городской страже и правителю Маралла. «Наверное, стражники уже подбираются к дому, готовясь в него ворваться, и то же самое происходит рядом со всеми домами города, где собирались поклонники культа», – представлял я. Я представил, как стражники стучатся в закрытые двери, на стук им никто не открывает, и они взламывают двери, врываясь внутрь.

Когда я подошёл к дому, двери были настежь открыты, туда-сюда сновали стражники, выводившие людей со связанными руками, выносили какие-то вещи, ящики с оружием, некоторые из которых вскрыли прямо на месте. Внутри лежали мечи вперемешку с соломой, луки,

стрелы, кинжалы и прочее оружие. Видимо, никто сопротивляться не стал, и все сдались добровольно. Тем было лучше для них всех, обошлись без лишних жертв. Наверное, умирать просто так никому не хочется, даже во имя священного огня. Всё-таки, если убеждения человеку навязываются кем-то посторонним, то человек будет их придерживаться только тогда, когда ему это выгодно. Но ничем жертвовать ради них никто не станет, можно бороться за свои интересы, даже жертвовать чем-то ради них, но ни в коем случае не ради чужих. Так же было и с огнепоклонниками. Все бездельники, которые не хотели утруждать себя каким-либо делом, собирались вместе, чтобы послушать проповеди о священном огне, почувствовать значимость своего занятия и самих себя. Но как только пришлось встать на защиту своего культа, все сразу опустили руки и покорно склонили головы перед теми, кто сильнее них.

Прогуливаясь по улицам Маралла, я про себя отметил, что Маралл – очень красивый город. Все улицы были ровными и широкими, выложенными из серого булыжника одинакового размера, дома были каменные и высокие, в основном двухэтажные с красивой крышей и ступенями перед входом. Окна на первых этажах были зарешёченными, на вторых – более широкие и со ставнями. Иногда встречались богатые дома с балконами, с которых свисали красивые плетущиеся растения с красными и фиолетовыми цветками, двери и ставни были украшены металлическими узорами, то же самое касалось и решёток на окнах. На улицах всегда было очень чисто, чувствовался порядок, что было странно для такого большого города. Когда я впервые увидел жителей Маралла, они мне показались похожими на муравьёв, постоянно бегающих и суетящихся, но теперь я уже мог видеть смысл во всех их перемещениях. Здесь люди делали самые обыкновенные дела, только намного быстрее, чем я привык это видеть. Это была не бесполезная суета, а всего лишь необходимая спешка. Каждый делал своё дело, благодаря чему такой огромный город мог жить как единый организм. Даже скитающиеся по улицам города нищие играли свою роль, распространяя последние сплетни и свежие новости.

Во всём окружающем меня чувствовалось величие, казалось, что эти дома и улицы могут стоять здесь вечно. Камень сам по себе кажется вечным, способным пролежать неизменным тысячу лет и даже больше, а строения из камня кажутся величественными и благородными. Поэтому для меня, всю жизнь видевшего только деревянные домики, городские постройки казались такими великолепными. Чего уж тогда говорить о храмах и статуях, которых я не видел даже в своих фантазиях? Я никогда и подумать не мог, что из мрамора можно сделать что-либо подобное. Возле храма стояли несколько статуй, одна из них была девушкой в свободных одеждах, держащая виноградную гроздь больших размеров, другая статуя была высоким мускулистым мужчиной, держащим опрокинутый кувшин. Вокруг них стояли на коленях много мраморных детей, тянущих к ним свои руки. Прямо около входа стояли два великана, как будто раздвигающие створки дверей своими мускулистыми руками, а в глубине храма был виден желтоватый свет, исходящий, наверное, от горящего внутри огня. Высокие колонны уносились ввысь, подпирая спереди край крыши, украшенный изображениями каких-то людей или богов. От храма до городской улицы вела короткая, но широкая дорожка, выложенная тем же белым камнем, из которого был построен сам храм. По краям дорожки стояли широкие каменные скамьи, за которыми росли невысокие красиво обрезанные деревья.

Разглядывая храм, я ещё раз задумался о существовании богов. Существуют ли они на самом деле? Никогда мне не приходилось видеть человека, который мог бы ответить на этот вопрос. Все люди, поклоняющиеся богам, делали это только потому, что так делали их родители и родители их родителей. Никто из моих знакомых никогда не видел какого-нибудь проявления божественной силы или чего-нибудь похожего, что смогло бы убедить любого человека в существовании богов. Но оскорблять богов всё равно никто не решался, потому что не был точно уверен, что их нет. В глубине души, где-то глубоко-глубоко у каждого человека живёт вера в богов, которую он не чувствует обычно, но которая проявляется в некоторых ситуациях. Когда человеку хорошо, он чувствует себя уверенно, считает себя хозяином своей

жизни, иногда не только своей. Когда же человеку становится плохо, когда он бывает бессилён предотвратить что-либо плохое, из самых глубин человеческой души вылезает вера в того, кто может помочь и взять под своё крыло. Всегда мне казалось, что только бессилие заставляет людей верить в богов, но кто может сказать наверняка, так ли это? Смотря на храмы, которые люди построили во славу богов, трудно поверить, что это делается просто так, и до сих пор никому не принесло пользы. Но может ведь оказаться, что делается всё это от отчаянного желания иметь надежду на помощь в безвыходном положении, когда все земные средства бесполезны, и остаётся надеяться только на божественную силу.

Прогуливаясь по городу, я зашёл очень далеко, и надо было поворачивать обратно, чтобы успеть к ужину. Сегодняшний день был очень сильно насыщен разными событиями, поэтому сон мне был очень необходим, чтобы восстановить свои силы и привести мысли в порядок. Дорога обратно была короткой, на входе в здание городской стражи я столкнулся с Авдоном, который куда-то спешил.

– Поднимись к начальнику стражи, он тебя искал, – сказал он, не сбавляя шаг.

Постучав в дверь Дормидонта, я услышал в ответ: «Войдите», произнесённое громовым голосом. Дормидонт сидел за столом в своей любимой позе, широко расставив ноги.

– Вот и ты. Пока тебя не было, до нас дошло сообщение от нашего правителя. Он доволен результатом и благодарен городской страже за помощь его человеку.

– Всё уже закончилось? Культа огня больше нет?

– Мы ворвались в места их собраний по всему городу, теперь всё под контролем, но дело не закончено, и ты этим займёшься завтра.

– Осталось что-то ещё?

– Да, есть ещё дело, требующее твоего участия. Завтра утром явись ко мне, я дам тебе все необходимые указания. А сейчас можешь идти.

Дело принимало интересный оборот, снова требовалось моё участие, и это меня очень заинтересовало. Появились какие-то новые обстоятельства, и это означало, что с этим культом разобраться не так-то просто, видимо, открылось что-то новое, что раньше не было известно. Это могло означать многое, например, то, что у меня будет новое задание, возможно, ещё более сложное и рискованное, чем первое, но я лишь считал, что у меня будет ещё одно интересное задание, с которым я обязательно должен справиться.

Замечтавшись, я не заметил, как зашёл в столовую, вкусный запах заставил мой живот проснуться и издать знакомый мне звук. На ужин был овощной салат и какая-то странная каша с кусками мяса. На вкус она была немного солоноватой и очень нежной, я даже не был уверен, что это называется кашей, но мне очень понравилось. Здесь кормили странно: всего дважды в день, и ужин был сытней завтрака, как будто стражникам надо было ночью работать. Я привык есть трижды в день, даже когда весь день рыбачил в море, не забывал перекусить в полдень. Зато в столовой всегда был хороший аппетит, наверное, оттого, что все вокруг жевали, от такого зрелища у всякого потекут слюнки. Салат и каша были съедены очень быстро, и, вставая из-за стола, я про себя заметил, что смог бы съесть ещё. В столовой на меня никто не обращал своего внимания, то же самое повторялось и в спальне, но я уже перестал об этом думать, в таком большом городе как Маралл людям было не до посторонних.

– Подъём! – услышал я сквозь сон.

Мне даже показалось, что это мне только снится, но привычные шаги выходящих стражников говорили о том, что действительно настало утро, а вставать очень не хотелось. Полежав ещё немного, я всё-таки заставил себя встать и с полуоткрытыми глазами пошёл в сторону столовой, из которой привычно пахло свежесваренной кашей. Я взял свою порцию каши, сел за стол и прикрыл глаза, пытаюсь до конца проснуться. Вдруг моему лицу стало очень жарко, а потом и вовсе горячо. Я открыл глаза и обнаружил своё лицо в миске с горячей кашей, куда я

попал, неожиданно заснув за столом. Выпрямив спину и расправив плечи, я принялся спешно есть кашу, пытаясь отогнать от себя сон. Мысли о предстоящем задании окончательно прогнали остатки сна, ведь в этот день мне предстояло выполнить что-то ещё, что поможет окончательно решить проблему культа огня в Маралле, а возможно и в других городах. Надев верхнюю одежду, я поднялся на второй этаж и постучал в дверь, в ответ послышался знакомый рык.

– Пришёл всё-таки, я думал, до полудня спать будешь, – упрекнул меня Дормидонт. – Сегодня ты покажешь тот дом, в котором есть вход в подземелье. Если наши подозрения оправдаются, то окажется, что в заговор были вовлечены очень влиятельные люди. Поэтому от тебя многое зависит, смотри не ошибись!

– Я тот дом запомнил, а если ещё раз увижу, то точно смогу сказать. Тем более я запомнил дорогу до него, думаю, ошибки не будет.

– Тогда иди, Авдон уже ждёт тебя снаружи, – с этими словами он потянул за свою верёвочку.

За стеной раздался звон колокольчика, в комнату вошёл Авдон, готовый со мной отправиться на поиски дома.

– Отправляйтесь с отрядом стражников в назначенное место, если подозрения подтверждаются, можете входить в дом, вот вам разрешение с моей печатью, – Дормидонт протянул Авдону небольшой свиток.

– Можем мы применять силу?

– Если в доме действительно окажется вход в подземелье, можете вязать всех без разбора, в случае сопротивления разрешаю применить оружие. Можете выполнять.

Авдон кивнул в ответ головой и вышел со мной в коридор.

– От тебя зависит судьба многих людей, смотри не ошибись, – сказал он мне, когда мы спустились вниз.

На улице нас уже ждал небольшой отряд стражников, примерно человек из десяти. Авдон знаком приказал им следовать за нами, и я повёл их в то место, где должен был быть вход в подземные коридоры. Идя по улицам города, я старался заранее вспоминать путь, по которому вернулся обратно, ещё до того, как мы выйдем на те же улицы. Подойдя к тому самому дому, я осмотрел его. Три этажа, белые стены, две статуи перед входом, всё было именно так, как я помнил.

– Этот тот самый дом? – спросил Авдон.

– Да, это точно он, я в этом абсолютно уверен.

– Если ты ошибся, то тебе потом не поздоровится, – сказал он и направился к дому.

Стражники последовали за ним.

– Чего изволите? – спросил пожилой мужчина, открывший дверь.

– Могу я видеть хозяина? Нам приказано обыскать этот дом, – ответил Авдон, протягивая разрешение начальника стражи.

Эти слова заставили мужчину немного растеряться, впустив стражников внутрь, он поспешил на второй этаж, вероятно, намереваясь сообщить хозяину дома о нашем визите. Через какое-то время послышались шаги, и по широкой лестнице к нам спустился богато одетый человек в сопровождении своего слуги, открывшего нам дверь.

– Рад вас приветствовать, младший начальник городской стражи, – поприветствовал его Авдон.

– Здравствуй, Авдон, зачем беспокоишь меня в такой ранний час? – спросил он, изображая радость.

– Мне приказано обыскать ваш дом...

– Мой дом? – прищуривая глаз, перебил он Авдона.

– Да, именно так, у меня имеется разрешение начальника городской стражи, можете ознакомиться.

– Ну и с какой целью вы собираетесь рыскать по моему дому? – спросил он, лениво окинув взглядом разрешение.

– Сущие пустяки, мы очень скоро управимся. Обещаю, что вам это не доставит лишних хлопот.

– Ну, раз сам начальник городской стражи этого желает, то... – с этими словами он развел руками, изображая покорность и согласие.

– В таком случае я попрошу помочь нам, – сказал Авдон.

– Давай показывай, откуда ты вылез, – добавил он мне полушёпотом.

По моим предположениям я вылез из окна, располагающегося в правой части дома, значит, и подземный вход должен был быть именно там. И действительно, осмотрев правое крыло первого этажа, я увидел знакомое мне полуподвальное помещение с узким окном, из которого я в тот раз с трудом выбрался. Всё пространство было завалено разным хламом, кроме центра помещения, где лежал большой прямоугольный ковёр. Я подошёл и откинул его, под ним в полу была та самая деревянная дверь.

– Вы можете сказать, куда ведёт этот вход? – спросил Авдон, обращаясь к младшему начальнику стражи.

Но тот вместо ответа выхватил кинжал и бросился на одного из стражников, обхватив его сзади за шею и приставив остриё кинжала к горлу.

– Всё-таки нашли меня, жалкие крысы! – закричал он, багровея от злости.

– Сопротивляться бесполезно, опустите оружие, и мы вас спокойно отведём к начальнику городской стражи для выяснения всех обстоятельств, – уверенным голосом сказал ему Авдон.

– Назад! Все назад! – прокричал тот, трясясь от злости и делая шаг назад вместе с пленённым стражником.

– Вы ведь не хотите ухудшить своё положение убийством стражника, сдайтесь нам добровольно, – сказал Авдон, делая шаг ему навстречу.

– Назад! Я сказал назад! Слышите? Я сказал на... .

Вдруг удерживаемый им стражник резко повернулся, хватая руку с кинжалом и отводя её в сторону, в этот момент Авдон подскочил и с размаху нанёс удар кулаком по лицу. Младший начальник стражи упал на пол, заливаясь кровью из разбитого лица.

– Связать его! – крикнул Авдон, – всех остальных вывести из дома, самых буйных тоже связывайте.

Стражники рассыпались по дому.

– Так, значит, городская стража тоже была в этом замешана? – спросил я, когда арестованного увели.

– Как видишь, была, скорее всего он не один предатель в нашем городе, должны быть и другие, у которых много денег и власти. Но теперь мы всё узнаем, правду мы умеем из людей выбивать. Ну а твоя помощь пока не нужна, ты сделал своё дело. Можешь доложить начальнику стражи об успешном выполнении задания.

– Хорошо, я пойду к нему сейчас же.

В дом входили уже новые стражники, готовые увести задержанных и обыскать весь дом в поисках возможных улик. Работа шла неспешно и в то же время быстро, каждый был занят своим делом, казалось, что стражникам каждый день приходится обыскивать чьи-то дома.

События этого дня должны были поставить точку в деле уничтожения культа огня, раз был пойман один из зачинщиков заговора, то избличение других – всего лишь дело времени, а это означает, что спокойствие многих городов теперь обеспечено.

Страшно было подумать, что могло бы случиться, если бы мятежники всё-таки подняли вооружённое восстание. Поддерживаемые некоторыми влиятельными людьми, они смогли бы натворить много бед. И даже если бы их замыслы не осуществились, было бы много крови и бессмысленных жертв среди людей, брошенных зачинщиками мятежа на бессмысленную

борьбу. В этом случае человеческие жертвы должны были быть той ценой, которую готовы были заплатить ради достижения своих целей жаждущие власти и денег люди. В этот день я чувствовал, что с моих плеч свалился большой груз ответственности за выполнение порученного задания, дело было закончено, и можно было выкинуть ненадолго из головы все мысли о культе и неудавшемся заговоре. На душе вдруг стало очень легко, а мысли прояснились, освобождённые от идей, которые их захламляли. Оставалось только доложить Дормидонту об успехе, и можно было забыть обо всём этом.

Я поднялся на второй этаж и постучал в дверь, из-за которой послышалось уже привычное мне рывканье, означающее, что можно войти.

– Ну что? Докладывай, – сказал он, когда я вошёл.

– Это оказался тот самый дом, о котором я говорил. В нём живёт... – я не успел договорить, потому что сильный удар кулака по столу заставил меня вздрогнуть от неожиданности.

– Проклятый предатель, значит он тоже в этом замешан, – прорычал он, стиснув зубы, – всё прогнило, даже в городской страже появились подобные негодяи, потерявшие свою честь. Хорошо, что ты смог найти его дом, теперь мы будем знать имена всех сообщников, я сам буду его допрашивать, – сказал он, сжимая кулаки.

В этот момент я очень не завидовал младшему начальнику городской стражи, которому придётся быть допрашиваемым Дормидонтом, один вид которого заставляет ужаснуться любого.

– Наш правитель будет в ярости, когда узнает об этом. Заговорщики в городской страже! В этом есть и моя вина, не надо было оставлять без внимания всякие культы, никто не знает, чему на самом деле там учат людей. Кстати говоря, тебе сейчас придётся отнести моё донесение нашему правителю, он тоже должен сразу узнать о причастности к заговору городской стражи.

Дормидонт достал из одного из ящиков своего стола тонкий лист пергамента и принялся что-то старательно писать. Ещё в прошлый раз, когда я видел письмо начальника городской стражи Квинтия, меня удивила тонкость и белизна пергамента, на котором оно было написано. У Дормидонта были точно такие же листы, которые не очень были похожи на тот пергамент, из которого была изготовлена моя карта. Может быть, они делались из кожи какого-нибудь неизвестного мне животного, а может быть и не из кожи, очень уж странно они выглядели. Дормидонт очень старательно вырисовывал каждую букву, отчего написание донесения затягивалось очень надолго. Наконец он закончил писать, обмакнул свою печать в красную краску и плотно прижал к листу пергамента, после чего свернул его и протянул мне.

– Передай моё донесение незамедлительно, передай лично, не отдавай никому, его можно читать только правителю. Если тебя кто-нибудь остановит, покажи им донесение с моей печатью, и тебя пропустят. Дворец правителя расположен в западной части города, можешь просто идти по любой улице на запад, пока его не увидишь. Дворцовые стражники будут тебя обыскивать, поэтому не бери с собой никакого оружия. Можешь это считать последним заданием на сегодняшний день, после его выполнения ты свободен. Вопросы есть?

– Нет.

– Тогда можешь идти.

Я вышел из здания городской стражи и направился в западную часть города. Мне предстояло увидеть дворец правителя, и это не могло меня не радовать. Ведь мне впервые предстояло увидеть что-то настолько значительное и, наверное, очень красивое. Проходя по улицам города, я заметил, что чем дальше я продвигался на запад, тем более крупными и роскошными становились дома вокруг меня. Даже улица стала заметно шире и чище, возле домов стояли столбы с большими светильниками, висевшими на них, а рядом с некоторыми домами располагались небольшие сады. Наконец вдалеке я увидел его, высокие башни дворца поднимались высоко-высоко, выше них, наверное, были только облака. Весь дворец издали виднелся в какой-то лёгкой дымке, отчего вид у него был ещё более восхитительный, как будто волшеб-

ный. Казалось, что он вырос из земли, устремляясь высокими башнями к облакам, стараясь до них достать. Я ускорил шаг, чтобы побыстрее подойти к нему и увидеть его вблизи, во всём его великолепии. Через несколько домов улица расширялась и переходила в большую площадь, за которой начинались личные владения правителя. У дворца была своя каменная стена, охватывавшая большую площадь земли, на которой располагался сам дворец и большие сады, раскинувшиеся перед ним. В передней части стены, примыкающей к площади, были большие ворота, раскрытые настежь, рядом с которыми стояли стражники. Я сразу понял, куда мне следует идти, и пошёл в их направлении. Прямо около ворот один из стражников сделал шаг вперёд, преграждая мне путь, и сказал:

– Стой! Тебе куда?

– Донесение правителю от начальника городской стражи, – ответил я, показывая свёрнутый пергамент с печатью.

Стражник посмотрел на печать и молча пропустил меня. Мой путь до дворца пролегал по широкой каменной дорожке, выложенной посреди сада, по краям которой росли высокие аккуратно подстриженные деревья, в разные стороны от главной дорожки расходились небольшие тропинки, выложенные белым камнем, которые были похожи на длинные белые ленты, лежащие на бесконечном зелёном ковре из травы, кустов и цветов. Длинные узкие дорожки уходили в глубь сада, затеняемые деревьями, растущими по их краям. В некоторых местах стояли красивые широкие скамейки с крышей, увитой разными растениями с мелкими цветками, отчего одним своим видом эти скамейки манили человека к себе, предлагая присесть в их уютной тени. На всём протяжении стены на одинаковом расстоянии друг от друга располагались смотровые башни, с которых дворцовые стражники осматривали всю прилегающую территорию по обе стороны от стены.

Одеты дворцовые стражники были красивее, чем городские, и оружие было у них получше. Обычный стражник был одет в кольчужный доспех, поверх которого надевалась серая жилетка с грубо вышитыми на них львами, оружием была висящая на поясе справа шипованная дубина и кинжал с левой стороны. Здесь же стражники носили более дорогие доспехи с красивой вышивкой на груди, в руках они держали оружие, представляющее из себя что-то среднее между копьём и топором, на поясе висел меч в красивых ножнах. Я подходил всё ближе ко дворцу, а он всё больше вырос передо мной из земли, закрывая собой небо. Когда я подошёл вплотную к нему, не было уже видно крыш высоких башен и казалось, что они упираются прямо в небо. На входе во дворец меня остановил один из стражников.

– Стой! Ты куда?

– Донесение правителю от начальника городской стражи, – снова ответил я, протягивая ему свёрнутое письмо.

Стражник посмотрел сначала на печать, потом на меня и позвал кого-то, находящегося внутри. Из полуоткрытых дверей вышел толстый человек неприятной наружности с бегающими маленькими тёмными глазками и непонятно для чего выставленными вперёд руками с маленькими пальцами. Увидев донесение, он спрятал руки за спиной, как будто боясь его испачкать, спросил что-то шёпотом у стражника и, получив ответ, сказал мне писклявым голосом:

– Прошу за мной.

Я последовал за ним и вошёл во дворец. То, что я видел снаружи, не шло ни в какое сравнение с тем, что я увидел внутри. На какое-то время я замер, потрясённый увиденным. Высокие стены дворца уносились ввысь, смыкаясь где-то очень высоко, так высоко, что начинала кружиться голова от одной мысли, что там можно вдруг оказаться. По всей длине стен в них были огромные окна, сделанные из кусочков разноцветного стекла, выложенного в виде красивых картин. На них были изображены деревья, животные, люди, занятые разными делами,

и всё вместе это создавало ощущение чего-то сверхъестественного, недоступного простому человеку.

– Прошу за мной, – окликнул меня толстяк, немного склоняя вперёд голову и жалко улыбаясь.

Я пошёл за ним, вертя по сторонам своей головой, не желая отрывать свой взор от увиденного великолепия. Дворец внутри оказался очень большим, состоящим из нескольких залов, соединённых проходами в виде больших арок. Пройдя первый зал, толстяк остановился и пропищал, наполовину повернувшись в мою сторону:

– Прошу подождать здесь, – сказав это, он скрылся за аркой, свернув куда-то направо.

Через некоторое время ко мне вместе с ним вышел высокий мужчина солидной наружности, который спросил у меня сочным низким голосом:

– У вас какое-то дело к нашему правителю?

– Мне поручено передать ему донесение от начальника городской стражи.

– Я могу передать ему сам, – сказал он, заранее протягивая вперёд свою руку.

– Я могу отдать это донесение правителю и только ему.

– Не хотите ли вы сказать, что оно является строго конфиденциальным?

– Да, именно это и хочу сказать, – ответил я, не совсем понимая смысл последнего его слова.

– Хорошо, я доложу о вашем приходе, – сказал он и удалился.

Мне предстояло увидеть самого правителя Маралла! И хоть я понимал, что он такой же человек из плоти и крови, как и все остальные, но сама мысль о том, что я увижу человека, управляющего таким огромным городом и всеми прилегающими к нему землями, заставляла что-то во мне приятно трепетать. Через какое-то время человек солидной наружности вернулся и сказал мне:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.